

Валерий Антонов

**Александр
Афродисийский.
Комментарий к книге
Γ Метафизики**

Валерий Антонов
Александр Афродисийский.
Комментарий к
книге Г Метафизики

*<https://litres.ru/74370744>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Книга посвящена началу первой философии — книге Г «Метафизики» Аристотеля, где определяется её предмет: сущее как сущее. Изложение строится прежде всего на комментарии Александра Афродисийского, который не только разъясняет аристотелевский текст, но и раскрывает его систематическую связь с «Физикой», «Аналитиками» и «Категориями».

В издании рассматриваются ключевые темы книги Г: отличие первой философии от частных наук, многозначность сущего и его тождество с единым, учение о видах единого и сведение противоположностей к единому и множеству, природа аксиом и статус закона противоречия как наиболее достоверного начала. Отдельное внимание уделено эленктическому доказательству закона противоречия, опровержению релятивизма Гераклита, Протагора, Анаксагора и их последователей, а также закону исключённого третьего.

Книга адресована философам, историкам античной мысли и всем, кто интересуется метафизикой и логикой Аристотеля.

Содержание

Предисловие.	6
Глава I. Предмет первой философии: сущее как таковое.	18
Введение к главе 1 книги Г «Метафизики» Аристотеля.	18
1. Место главы 1 в общем замысле книги Г.	18
2. Структура главы 1	20
3. Понятие «сущее как сущее» (τὸ ὄν ᾧ ὄν): историко-философский контекст	29
4. Проблема многозначности сущего и учение о «πρὸς ἕν»-однородности	32
5. Александр Афродисийский как интерпретатор главы 1	36
6. Философское значение главы 1	41
7. Заключительные замечания	44
Что остаётся от главы 1 сегодня	45
Предмет первой философии: сущее как сущее	48
Глава II. Многозначность сущего и тождество с единым.	62
Введение к главе 2 книги Г «Метафизики» Аристотеля.	62
1. Место главы 2 в общем замысле книги Г	62
2. Структура главы 2	65

3. Тожество сущего и единого	67
4. Виды сущего и единого: тождественное, подобное, равное	72
5. Сведение противоположностей к единому и множеству	76
6. Философское значение главы 2	80
7. Заключение	83
Что глава 2 даёт современному читателю	84
Сущее и единое	87
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Валерий Антонов Александр Афродисийский. Комментарий к книге Г Метафизики

Предисловие.

I. От архивной оцифровки к академическому тексту: принципы и этапы реставрации

Настоящее издание является результатом комплексной текстологической и филологической работы, направленной на восстановление одного из важнейших памятников античной философской мысли — комментария Александра Афродисийского к IV книге «Метафизики» Аристотеля. В основе этого труда лежит не традиционная работа с рукописями в библиотечных собраниях, а реставрация текста, полученного из цифрового архива, что делает данный проект уникальным примером взаимодействия классической филологии и современных технологий гуманитарной науки.

Первоисточником послужило фундаментальное академи-

ческое издание греческого текста комментария, подготовленное выдающимся немецким филологом Германом Боницем (Hermann Bonitz). Этот том, опубликованный в 1891 году в Берлине издательством *Georg Reimer*, входит в легендарную серию *Commentaria in Aristotelem Graeca* (CAG) и по сей день остается стандартным научным изданием, на которое ссылаются исследователи во всем мире. Текст Боница, выверенный по основным рукописям, является эталоном для цитирования.

Однако в распоряжении редактора находилась лишь электронная копия этого печатного памятника, загруженная с платформы *Internet Archive*. Качество оцифровки, выполненной методом автоматического распознавания символов (OCR), оказалось критически низким. Греческий текст в полученном файле представлял собой не связный дискурс, а хаотический набор знаков, лишь отдаленно напоминающих оригинал. Степень искажения была такова, что текст не поддавался не только чтению, но и элементарному пониманию, что потребовало не простой корректуры, а полномасштабной филологической реконструкции.

Характер повреждений исходного материала

Анализ цифрового файла выявил системные ошибки, типичные для некачественного OCR при работе с политоническим греческим письмом (с ударениями и придыханиями).

1. Графическая деструкция: Греческие буквы систематически заменялись визуально похожими латинскими или кириллическими символами. Так, союз καὶ (и) превращался в χ или χαи, частица ὥς — в ѿ или ш, δέ — в δε или даже просто δ. Исчезали диакритические знаки, что разрушало смысл омонимов.

2. Грамматический коллапс: Были искажены падежные окончания, пропущены артикли, союзы и частицы, являющиеся скелетом древнегреческого синтаксиса. Предложения теряли связность, а логика высказывания разрушалась.

3. Отсутствие структуры: Исходный текст представлял собой сплошную стену символов без разделения на главы, абзацы, без пагинации по Беккеру и без пунктуации. Понять, где заканчивается лемма (цитата из Аристотеля) и начинается толкование Александра, не представлялось возможным.

4. Зоны полной нечитаемости: В ряде мест алгоритм распознавания давал тотальный сбой, порождая последовательности, не имеющие отношения к языку. Например, строка ооооо ооооо оаоооо или βίτ ξααοί не содержала ни одного опознаваемого слова.

Методология реконструкции

Процесс восстановления не мог быть механическим. Он потребовал от редактора сочетания навыков палеографа, текстолога и историка философии.

Восстановление текста велось по следующим принципам:

1. **Сверка с эталоном СAG:** Основным ориентиром служило знание канонического текста Боница. Там, где OCR выдавал бессмыслицу, восстанавливалось чтение, зафиксированное в печатном издании 1891 года.

2. **Контекстуальный анализ:** В случаях, когда последовательность символов допускала несколько вариантов прочтения, выбор делался на основе грамматической сочетаемости слов и, что важнее, философского контекста. Александр Афродисийский — строгий перипатетик, и его мысль должна была соответствовать доктрине Аристотеля.

3. **Восстановление смысла через отрицание:** Особенно показательны случаи с потерей отрицательной частицы οὐκ (не). Во фрагменте ζ ἐπ' ἀλειρον ἢ τῶν ἀρχιῶν ἀνοδος (что означало бы утверждение бесконечного восхождения к началам) восстановление отрицания — «ὥς οὐκ ἐπ' ἀλειρον ἢ τῶν ἀρχῶν ἀνοδος» — вернуло тексту его подлинный аристотелевский смысл, соответствующий учению о конечности причинного ряда. Потеря одного лишь οὐκ меняла онтологическую картину мира на противоположную.

4. **Структурирование:** Исходный массив символов был вновь разбит на смысловые блоки. Восстановлена пагинация по изданию Иммануила Беккера (например, 1003a), которая является универсальным стандартом цитирования Аристотеля. Выделены леммы (цитаты из «Метафизики») и собственно толкования.

5. Орфографическая нормализация: Была восстановлена полная система диакритики (ударения, придыхания) в соответствии с нормами классической греческой орфографии, что потребовалось для однозначного прочтения энклитик и омонимов.

В результате этой работы бесформенный поток данных превратился в выверенный философский текст, готовый к научному использованию.

Текстологическая специфика источника

Следует учитывать, что корпус комментариев Александра на «Метафизику» дошел до нас в неоднородном виде. Подлинность комментариев к книгам А–Δ (I–V) не вызывает сомнений и атрибутируется самому Александру. Комментарий же к книгам Ε–Ν (VI–XIV), как убедительно показано в науке (К. Праехтер и др.), принадлежит, вероятно, Михаилу Эфесскому (XII в.) и является компиляцией, вобравшей в себя материал из Александра, Сириана и других авторов. Настоящее издание посвящено книге Γαμμα (Γ), которая входит в корпус подлинных, александровских текстов. Это делает реставрируемый нами источник первостепенным по своей философской ценности: перед нами мысль не компилятора, а оригинального и глубочайшего интерпретатора Стагирита.

П. Александр Афродисийский: Экзегет Аристотеля

Жизнь и эпоха

Александр Афродисийский (Ἀλέξανδρος ὁ Ἀφροδισιεύς) жил на рубеже II–III веков н. э. и занимал пост главы (диадокха) перипатетической школы — кафедры философии, учрежденной в Афинах Марком Аврелием. Его прозвище указывает на происхождение из карийского города Афродисиады (Малая Азия), крупного культурного и интеллектуального центра того времени. Точные даты его жизни неизвестны, однако его деятельность приходится на период правления императоров Коммода и Септимия Севера, которых он упоминает в своих сочинениях.

Александр считается величайшим комментатором Аристотеля за всю историю античности. Неслучайно в позднейшей традиции он именуется просто «Экзегетом» (ὁ ἐξηγητής) — комментатором по преимуществу. Его авторитет был настолько высок, что в византийской и арабской традициях слово «Александр» стало синонимом идеального толкователя. Он стремился очистить учение Аристотеля от платонических и стоических наслоений и представить его

как стройную, самодостаточную систему.

Философская позиция

В своих комментариях и самостоятельных трактатах («О душе», «О судьбе», «О смещении и росте», «Апории и решения») Александр отстаивает так называемый «натуралистический» или «ортодоксальный» аристотелизм.

1. **Онтология:** Александр категорически отвергает платоновское учение об отдельно существующих идеях. Для него универсалии (роды и виды) существуют не *до* вещей (как у Платона) и не *после* вещей (как просто абстракции), а *в самих вещах*, как их неотъемлемая форма. Эта позиция дала основание позднейшим неоплатоникам и христианским схоластам обвинять его в «материализме», однако она гораздо ближе к букве аристотелевского текста.

2. **Психология:** Александр известен своей радикальной трактовкой учения о душе. Поскольку душа есть «энтелехия» (осуществление, форма) тела, она не может существовать отдельно от него. Следовательно, индивидуальная душа смертна. В вопросе об «активном интеллекте» (*νοῦς ποιητικός*) Александр развивает теорию, согласно которой этот интеллект не является частью человеческой души, но есть божественный ум, мыслящий сам себя, к которому человек приобщается в акте познания. Эта интерпретация стала предметом ожесточенных споров в Средние века (от Фо-

мы Аквинского до аверроистов).

3. Полемика: Его главными оппонентами были стоики. В трактате «О судьбе» Александр отстаивает свободу воли против стоического фатализма, вводя понятие «того, что зависит от нас» (τὸ ἐφ' ἡμῖν), обосновывая моральную ответственность человека.

III. Книга Гамма (IV) «Метафизики» и предмет комментария

Книга Гамма занимает уникальное положение в корпусе «Метафизики». Если книга Альфа является введением (история причин), а Бета — сборником апорий, то Гамма представляет собой ядро онтологии, формулируя предмет «первой философии» и защищая её основания.

Основные темы книги Г.

1. Наука о сущем как таковом: Аристотель утверждает существование науки, изучающей «сущее как сущее» (τὸ ὄν ᾗ ὄν) и его атрибуты. Эта наука (первая философия) противопоставляется частным наукам, которые исследуют лишь аспекты сущего (физика — движение, математика — количество).

2. Проблема многозначности и единства: Сущее го-

ворится во многих значениях (категории). Александр разбирает, как Аристотель решает проблему единства науки: значения сущего сводятся к единому центру — **сущности** (οὐσία), через отношение «πρὸς ἓν» (отнесенность к одному). Это знаменитое учение, предвосхищающее средневековую теорию аналогии сущего.

3. Тождество сущего и единого: Обосновывается тезис о том, что «сущее» и «единое» — тождественны по субстрату, хотя и различны по определению. Отсюда философ обязан исследовать виды единого (тождественное, подобное, равное) и их противоположности.

4. Защита закона противоречия: Центральная и самая драматичная часть книги. Аристотель (и вслед за ним Александр) провозглашает закон противоречия «самым достоверным из всех начал». Поскольку он является началом всякого доказательства, его нельзя доказать обычным способом, но можно защитить **эленктически** (путем опровержения). Если противник отрицает закон противоречия, сам факт его осмысленной речи уже предполагает этот закон. Александр детально разбирает природу этого апоретического доказательства.

5. Опровержение релятивизма: Комментарий проясняет критику Аристотелем софиста Протагора («человек есть мера всех вещей») и Гераклита («все течет»). Александр показывает, что эти учения проистекают из ложного отождествления мышления с чувственным восприятием. Он от-

стаивает способность разума (нуса) постигать неизменные сущности, несмотря на текучесть чувственного мира.

IV. Структура настоящего издания и принципы перевода

Настоящее издание предлагает читателю **первый полный русский перевод** комментария Александра Афродисийского к книге Гамма «Метафизики». Перевод выполнен по тексту Германа Боница (CAG, Vol. I, 1891) и сверен с переводами на новоевропейские языки (A. Madigan, 1993; P. Moraux, M. Croese).

Текст разделен на восемь глав, соответствующих главам книги Г Аристотеля, и снабжен постраничной пагинацией Беккера и указанием страниц издания CAG, что позволяет использовать перевод в научной работе.

Ключевые терминологические решения

Для передачи строгой аристотелевской терминологии в переводе приняты следующие конвенции:

- τὸ ὄν — *сущее*;
- ᾗ ὄν — *сущее как таковое* (или *поскольку оно сущее*);
- οὐσία — *сущность* (иногда *субстанция*, в зависимости от контекста);

- ἀρχή — начало;
- αἰτία — причина;
- συμβεβηκός — привходящее (акциденция);
- τὸ τί ἦν εἶναι — суть бытия (или чтойность);
- ἀπόδειξις — доказательство;
- ἔλεγχος — опровержение (в контексте гл. IV — эленк-
тическое доказательство).

Оформление текста

- **Леммы** (цитаты из Аристотеля, на которые опирается Александр) выделены **полужирным** начертанием в греческом тексте и курсивом в русском.
- Пояснительные вставки и уточняющие контекстуальные слова переводчика заключены в квадратные скобки [...].
- Структура комментария Александра разбита на смысловые абзацы для облегчения восприятия сложной диалектической аргументации.

V. Значение издания

Значение настоящего перевода выходит за рамки простого восполнения источниковедческой лакуны. Трактат Александра является ключом к пониманию самой сложной и влиятельной книги «Метафизики». В нем читатель найдет не

только грамматический разбор текста, но и живой философский диспут: Александр отвечает на аргументы скептиков, стоиков и платоников, проясняет логическую структуру аристотелевской защиты закона противоречия и показывает, почему метафизика возможна как строгая наука.

Возвращение этого текста в научный оборот на русском языке, после его реконструкции из нечитаемой цифровой копии, символизирует связь времен: античная мысль, сохраненная филологией XIX века, обретает новую жизнь в цифровую эпоху XXI века.

Глава I. Предмет первой философии: сущее как таковое.

Введение к главе 1 книги Г «Метафизики» Аристотеля.

1. Место главы 1 в общем замысле книги Г.

Первая глава книги Г выполняет фундаментальную задачу: она впервые в корпусе «Метафизики» даёт позитивное определение предмета искомой науки — первой философии, или мудрости. Если предшествующие книги (А, α, В) подготовили почву — исторически (обзор мнений предшественников о началах), апорийно (формулировка трудностей) и методологически (выяснение характера искомого знания), — то здесь Аристотель переходит к конструктивному построению: он устанавливает, *что именно* исследует мудрость, и *почему* это исследование образует единую науку, отличную от всех прочих.

Александр Афродисийский в приведённом вступлении к

комментарий на книгу Г точно описывает эту архитектонику. Он напоминает, что в предшествующих книгах Аристотель:

1. показал, что искомое знание (названное им «мудростью», а также, по обычаю, «теологией») не относится ни к практическим, ни к продуктивным наукам, но является теоретическим;

2. показал, что оно есть знание первых начал и высочайших причин, то есть того, что есть сущее в самом строгом смысле;

3. рассмотрел и подверг критике мнения предшественников о началах;

4. установил, что восхождение к началам не уходит в бесконечность;

5. сформулировал апории, касающиеся сущего, начал и связанных с ними предметов.

Теперь же, в книге Г, как говорит Александр, Аристотель «приступает к самому предмету» (ἄρχεται τοῦ προκειμένου), «обосновывая собственные воззрения и разрешая возникшие апории» (κατασκευάζων τὰ αὐτῷ δοκοῦντα καὶ λύων τὰ ἠτορημένα). Первая глава — это первый шаг этого конструктивного движения: прежде чем доказывать, *что* именно принадлежит сущему как сущему (например, закон противоречия, о чём пойдёт речь далее), необходимо установить, *что есть сама эта наука и что есть её предмет*.

2. Структура главы 1

Глава 1 (1003a21–b19) имеет ясную логическую последовательность, которую можно представить в виде трёх основных шагов.

Шаг первый (1003a21–26): существование искомой науки и её отличие от частных наук

Аристотель начинает с тезиса, который для него не является гипотезой, подлежащей дальнейшей проверке, а скорее формулировкой предмета, существование которого будет обосновано всем последующим ходом рассуждения:

Ἔστιν ἐπιστήμη τις ἣ θεωρεῖ τὸ ὄν ἧ ὄν καὶ τὰ τοῦτω ὑπάρχοντα καθ' αὐτό. «Существует некая наука, которая рассматривает сущее как сущее и то, что присуще ему само по себе».

Это предложение — программное. Оно не только утверждает существование науки, но и задаёт её двойной предмет:

1. **сущее как сущее** (τὸ ὄν ἧ ὄν) — то есть сущее в его универсальной определённости, безотносительно к какому-либо частному роду;

2. **то, что присуще сущему самому по себе** (τὰ τοῦτω ὑπάρχοντα καθ' αὐτό) — то есть свойства, которые принад-

лежат сущему не случайно и не в силу его принадлежности к той или иной частной области, а именно поскольку оно есть сущее.

Александр в комментарии подчёркивает, что второе указание не случайно: «всякая наука, какова бы она ни была, доказывает то, что присуще её предмету само по себе» (πᾶσα γὰρ ἡ ὁτινοσοῦν ἐπιστήμη τῶν ἐκείνῳ καθ' αὐτὸ ὑπαρχόντων ἐστὶν ἀποδεικτική). Это соответствует аристотелевскому учению из «Второй аналитики»: наука (ἐπιστήμη) в строгом смысле есть доказательное знание, а доказательство исходит из посылок, выражающих существенные, сами по себе присущие свойства предмета. Следовательно, если есть наука о сущем, то она должна доказывать то, что присуще сущему *поскольку оно сущее*, — то есть такие атрибуты, как единство, тождество, различие, противоположность и т. п.

Далее Аристотель отличает эту науку от всех остальных: αὕτη δ' ἐστὶν οὐδεμιᾷ τῶν ἐν μέρει λεγομένων ἡ αὐτή «Эта наука не тождественна ни одной из так называемых частных наук».

Основание отличия: частные науки «отделяют себе какую-то часть сущего» (μέρος αὐτοῦ τι ἀποτεμόμεναι) и исследуют «присущее этой части» (περὶ τούτου θεωροῦσι τὸ συμβεβηκός). Аристотель приводит пример математических наук. Александр поясняет это на примере арифметики и геометрии: арифметика занимается числами, геометрия — ли-

ниями, плоскостями и телами; и те и другие суть *некое сущее*, но лишь *часть* сущего, а не сущее в целом.

Важно отметить терминологическую тонкость. Аристотель говорит, что частные науки рассматривают «τὸ συμβεβηκός» — «привходящее», «акциденцию». Однако, как справедливо замечает Александр, здесь это слово употреблено не в техническом смысле «случайного, несущественного признака» (в отличие от καθ' αὐτό), а в более широком смысле — как «то, что сопутствует предмету», то есть свойства, которые принадлежат данному роду сущего *как таковому*. Александр пишет: «τὰ συμβεβηκότα τοῦτο σημαίνει νῦν» — «именно это теперь означают привходящие свойства». Иными словами, для частной науки то, что она доказывает о своём предмете (например, для геометрии — что сумма углов треугольника равна двум прямым), является свойством, присущим её предмету самому по себе, но с точки зрения сущего как такового это свойство есть лишь «акциденция» — нечто, сопутствующее лишь одной части сущего.

Таким образом, различие между первой философией и частными науками не в том, что одна рассматривает «существенное», а другие — «случайное», но в *объёме и способе* рассмотрения: частные науки рассматривают существенные свойства *части* сущего, первая философия — существенные свойства *сущего как такового*.

Шаг второй (1003a26–32): начала и высочайшие причины как начала сущего как такового

Второй шаг связывает только что введённое понятие науки о сущем как сущем с результатами, уже достигнутыми в книге А: мудрость есть знание первых начал и высочайших причин. Если эти начала суть начала *некоторой природы, существующей самой по себе* (φύσεώς τινος... καθ' αὐτήν), то, как показывает Аристотель, эта природа не может быть ничем иным, кроме как *сущим как сущим*.

Логика рассуждения такова:

1. Мы ищем первые начала и высочайшие причины (τὰς ἀρχὰς καὶ τὰς ἀκροτάτας αἰτίας) — это установлено ранее.
2. Всякое начало и всякая причина есть начало и причина *чего-то*, причём в собственном смысле — того, для чего оно есть начало и причина *само по себе*, а не по совпадению.
3. Следовательно, первые начала, будучи началами в наибольшей степени, должны быть началами *некоторой природы самой по себе*.
4. Но если они суть начала лишь *части* сущего, то они не первые и не высочайшие: над ними будут стоять начала более общего характера.
5. Следовательно, первые начала должны быть началами *всего сущего как сущего*.

Александр разъясняет это рассуждение особенно подроб-

но. Он проводит различие между причинами *самими по себе* (καθ' αὐτά) и причинами *по совпадению* (κατὰ συμβεβηκός), отсылая к «Физике». Причина по совпадению — это, например, Поликлет как причина статуи: он, разумеется, причина, но не поскольку он Поликлет, а поскольку он *ваятель*; «Поликлет» — это акцидентальное определение причины. Первые причины, говорит Александр, не могут быть причинами сущего по совпадению ни в одном из двух смыслов:

- ни в том смысле, в каком акцидентальная причина вообще не есть причина того, о чём говорится (как «Поликлет» не есть причина статуи *поскольку он Поликлет*);
- ни в том смысле, в каком причина по совпадению есть причина чего-то другого, стоящего выше (как треугольник есть причина равенства углов двум прямым, но это свойство принадлежит ему не поскольку он треугольник, а поскольку он — плоская прямолинейная фигура; если бы первые причины были причинами сущего по совпадению, то они были бы причинами чего-то более высокого, чем сущее, — но «нет ничего выше единого», ἀλλ' οὐδὲν ὑπὲρ τὸ ἓν).

Поэтому первые причины суть причины сущего как сущего *сами по себе*. А это и значит, что наука, ищущая первые причины, есть наука о сущем как сущем.

Аристотель подкрепляет это рассуждение ссылкой на тех, «кто искал элементы сущего» (οἱ τὰ στοιχεῖα τῶν ὄντων ζητοῦντες). Досократические физики, искавшие элементы, искали не случайные и не акцидентальные элементы, а имен-

но те, которые были элементами *самих по себе* — то есть начала, из которых состоит всё сущее как таковое. Если же они искали начала сущего, то и нам, ищущим первые начала, следует искать начала сущего как сущего. Александр замечает, что это место «неясно из-за краткости» (ἡ δὲ λέξις ἀσαφῶς ἔχει διὰ τὴν συντομίαν), и разворачивает его в эксплицитное рассуждение.

Шаг третий (1003a33–b19): единство науки о сущем при многообразии значений сущего

Третий шаг — самый сложный и самый важный в главе. Он отвечает на принципиальное возражение, которое могло бы быть выдвинуто против всей предшествующей аргументации: если «сущее» сказывается во многих значениях (τὸ ὄν λέγεται πολλαχῶς), то не является ли выражение «наука о сущем как сущем» внутренне противоречивым? Ведь, согласно самому Аристотелю, одна наука может исследовать лишь один род (γένος), а многозначное не образует единства рода. Если «сущее» — омоним, то «наука о сущем» так же невозможна, как «наука о луке» (растении) и «луке» (оружии) одновременно.

Аристотель отвечает на это возражение, вводя ключевое для всей «Метафизики» различие между **чистой омонимией** (τὰ ὁμώνυμα, τὰ ἀπὸ τύχης λεγόμενα) и **систематической многозначностью, ориентированной на одно на-**

чалο (τὰ πρὸς ἓν λεγόμενα). Сущее сказывается многообразно, но не омонимически: все его значения соотнесены с *одним началом* — с **сущностью** (οὐσία).

Аристотель поясняет это с помощью двух аналогий — здоровья и врачебного искусства.

Аналогия здоровья. Всё, что называется «здоровым», называется так по отношению к здоровью:

- одно — потому что *сохраняет* здоровье (здоровая пища);
- другое — потому что *производит* здоровье (здоровое упражнение);
- третье — потому что *служит признаком* здоровья (здоровый цвет лица);
- четвёртое — потому что *способно воспринимать* здоровье (здоровый организм).

Ни одно из этих значений не является «здоровьем» в собственном смысле, но все они соотнесены с одним и тем же — со здоровьем как таковым. Поэтому возможно *одно* знание (медицина), которое рассматривает всё здоровое: врач знает, что сохраняет здоровье, что его производит, что служит его признаком, что способно его воспринимать. Единство медицинского знания обеспечивается не единством рода (здоровая пища и здоровый цвет лица не принадлежат к одному роду), а единством *отношения* к одному началу.

Аналогия врачебного искусства. Всё «врачебное» называется так по отношению к врачебному искусству (ιατρική):

- одно — потому что *обладает* врачебным искусством (врач);
- другое — потому что *имеет природную способность* к нему (способный ученик);
- третье — потому что *является делом* врачебного искусства (лечебная процедура).

И здесь единство науки (медицины) обеспечивается единством отношения к одному началу — к самому врачебному искусству.

Применение к сущему. Точно так же обстоит дело и с сущим. Всё, что называется «сущим», называется так по отношению к одному началу — к **сущности** (οὐσία):

- одно называется сущим, потому что оно *есть сущность* (человек, лошадь, дерево);
- другое — потому что оно *состояние* (πάθος) сущности (белизна, теплота);
- третье — потому что оно *путь к сущности* (ὁδὸς εἰς οὐσίαν) — то есть становление, процесс, ведущий к возникновению сущности;
- четвертое — потому что оно *уничтожение* (φθορά), *лишённость* (στέρησις), *качество* (ποιότης), *производящее* (ποιητικόν) или *порождающее* (γεννητικόν) сущность;
- пятое — потому что оно *отрицание* чего-либо из перечисленного или самой сущности.

Примечательно, что даже *не-сущее* (τὸ μὴ ὄν) называется сущим — а именно, «мы говорим, что не-сущее *есть* не-

сущее» (τὸ μὴ ὄν εἶναι μὴ ὄν λεγόμεν). Это значит, что даже не-сущее включается в сферу рассмотрения науки о сущем — не как сущее, а как лишённость сущего, как отрицательный коррелят сущего. Наука о сущем должна рассматривать и свою противоположность — не-сущее, — подобно тому как одна и та же наука рассматривает противоположности (об этом Аристотель подробно скажет в начале главы 2).

Вывод. Подобно тому как обо всём здоровом существует одна наука — и не только в тех случаях, когда все значения подпадают под одно общее определение (τὰ καθ' ἑν λεγόμενα), но и в тех, когда они соотносятся с одним (τὰ πρὸς ἑν λεγόμενα), — так и рассмотрение сущего как сущего есть дело *одной* науки.

Александр в комментарии резюмирует это так:

«Прежде всего в ней он показывает, приняв, что мудрость занимается сущим, что сущее сказывается многообразно — так же, как то, что [сказывается] от одного и по отношению к одному. И поскольку сущее сказывается [в отнесении к] единому, постольку и наука о сущем как сущем представляется единой. Поэтому настоящая наука и занимается этим рассмотрением, будучи первой из всех наук и наиглавнейшей».

3. Понятие «сущее как сущее» ($\tau\acute{o}\ \delta\acute{\upsilon}\nu\ \tilde{\eta}\ \delta\acute{\upsilon}\nu$): историко-философский контекст

3.1. Происхождение формулы

Формула « $\tau\acute{o}\ \delta\acute{\upsilon}\nu\ \tilde{\eta}\ \delta\acute{\upsilon}\nu$ » — «сущее как сущее» — принадлежит к числу наиболее характерных и наиболее трудных выражений аристотелевской философии. Она не встречается у Платона и, по-видимому, является собственным изобретением Аристотеля, хотя её истоки можно усмотреть в платоновской диалектике, особенно в «Софисте», где ставится вопрос о том, что значит «быть», и где сущее ($\tau\acute{o}\ \delta\acute{\upsilon}\nu$) рассматривается как один из «наивысших родов» ($\mu\acute{\epsilon}\gamma\iota\sigma\tau\alpha\ \gamma\acute{\epsilon}\nu\eta$) наряду с тождеством, различием, покоем и движением.

Синтаксическая конструкция « $\tau\acute{o}\ \delta\acute{\upsilon}\nu\ \tilde{\eta}\ \delta\acute{\upsilon}\nu$ » может быть прочитана двояко, и эта двусмысленность, возможно, не случайна:

1. **Рестриктивное прочтение:** «сущее, рассматриваемое поскольку оно есть сущее, и только в этом отношении». Здесь $\tilde{\eta}\ \delta\acute{\upsilon}\nu$ указывает на аспект рассмотрения: мы отвлекаемся от всех частных определений сущего (числа, линии, жи-

вые существа) и рассматриваем его только в том отношении, в каком оно есть сущее.

2. Универсализирующее прочтение: «сущее в его целостности, во всех его проявлениях». Здесь ἡ οὐκ указывает на полноту охвата: наука о сущем как сущем охватывает всё, что есть, поскольку оно есть.

Оба прочтения не исключают друг друга: первая философия рассматривает *всё* сущее, но в *одном* отношении — в отношении его бытия. Именно это сочетание универсальности предмета и специфичности аспекта рассмотрения делает первую философию одновременно самой общей и самой строгой из наук.

3.2. Отличие от платоновской диалектики

У Платона наука, соответствующая аристотелевской первой философии, — это диалектика. Она также является высшей из наук, и она также имеет дело с сущим в его целостности. Однако между платоновской диалектикой и аристотелевской первой философией есть принципиальное различие.

Платоновская диалектика — это наука об *идеях* как истинно сущем. Она восходит от чувственного к умопостигаемому, от множественного к единому, от становящегося к вечно сущему. Её предмет — не «сущее как сущее» в аристотелевском смысле, а *истинно сущее* (ὄντως ὄν), то есть идеи, в отличие от чувственных вещей, которые суть лишь

становящееся (γινόμενον) и причастны бытию лишь отчасти. Для Платона «сущее» в собственном смысле — это не то, что обще всему существующему, а то, что существует *в высшей степени* — вечное, неизменное, умопостигаемое.

Аристотель сознательно отказывается от этого сужения. Для него «сущее» сказывается обо всём, что есть, — о сущностях, качествах, количествах, отношениях, движениях, возникновениях и уничтожениях. Наука о сущем как сущем должна охватить *все* эти значения, но не в их разрозненности, а в их упорядоченной соотнесённости с первым значением — сущностью. В этом смысле аристотелевская первая философия шире платоновской диалектики: она не ограничивается умопостигаемым, но включает в себя и чувственное, и становящееся, — однако включает их не как таковые, а в их отношении к сущности.

Вместе с тем Александр в приведённом фрагменте отмечает, что Аристотель называет эту науку также «теологией» (θεολογική). Это указывает на то, что, хотя предмет первой философии — сущее как сущее во всей его универсальности, *первое* сущее, то есть сущность в высшем смысле, есть божественное. Таким образом, первая философия есть и онтология (наука о сущем как таковом), и теология (наука о божественном как первом сущем). Эта двойственность станет предметом интенсивных дискуссий в средневековой арабской и латинской традиции.

4. Проблема многозначности сущего и учение о «πρὸς ἐν»-однородности

4.1. Аристотелевская семантика: омонимия, синонимия, «от одного»

В основе третьего шага главы лежит аристотелевское учение о значениях терминов, разработанное в «Категориях» и уточнённое в других сочинениях. Аристотель различает:

- **Синонимию** (συνωνυμία, или καθ' ἐν λεγόμενα): несколько вещей называются одним именем, и *определение* (λόγος) этого имени в обоих случаях одно и то же. Например, «человек» и «бык» оба называются «животными», и определение животного одно и то же для обоих.

- **Омонимию** (ὁμωνυμία, или ἀπὸ τύχης λεγόμενα): несколько вещей называются одним именем, но определения различны и не связаны между собой. Например, «ключ» (от двери) и «ключ» (источник воды).

- **Промежуточный случай**: несколько вещей называются одним именем, определения различны, но *не независимы*: все они соотнесены с одним и тем же. Это Аристотель в раз-

ных местах называет по-разному: «τὰ ἀφ' ἑνός» (от одного), «τὰ πρὸς ἓν» (по отношению к одному), «τὰ πρὸς μίαν τινὰ φύσιν» (по отношению к одной природе). В современной литературе за этим явлением закрепился термин «фокальное значение» (focal meaning), введённый Г. Оуэном в знаменитой статье 1960 года «Logic and Metaphysics in Some Early Works of Aristotle» (хотя сам Оуэн позднее скорректировал свою позицию).

Сущее, согласно Аристотелю, принадлежит именно к этому третьему типу. Оно не синоним (ибо определения сущности, качества, количества различны), но и не чистый омоним (ибо все его значения соотнесены с одним — с сущностью).

4.2. Логическая структура «πρὸς ἓν»-отношения

Отношение «πρὸς ἓν» — не просто ассоциативная связь, но строгая логическая структура, в которой можно выделить три компонента:

1. **Фокус** (τὸ πρῶτον, τὸ ἀφ' οὗ): то, к чему всё прочее относится. Для сущего — это сущность (οὐσία).

2. **Производные термины**: значения, которые определяются через отношение к фокусу. Для сущего — это качества, количества, отношения, движения и т. д.

3. **Тип отношения**: то, как производные термины соотносятся с фокусом. В приведённом Аристотелем списке типы отношения многообразны: состояние (πάθος), путь

(ὁδός), уничтожение (φθορά), лишённость (στέρησις), производящее (ποιητικόν), порождающее (γεννητικόν), отрицание (ἀλόφασις).

Важно, что производные значения не могут быть определены *без* отсылки к фокусу. Определение «состояния сущности» (πάθος οὐσίας) необходимо включает в себя понятие сущности: состояние есть то, что *находится* в сущности. Определение «пути к сущности» (ὁδὸς εἰς οὐσίαν) включает понятие сущности как *цели*. И так далее. Именно эта необходимая отсылка к фокусу и обеспечивает единство науки: хотя производные значения не образуют одного рода, они образуют *систему*, которая может быть предметом одного знания — знания о фокусе и о типах отношения к нему.

4.3. Сущность как первичное сущее

Из учения о «πρὸς ἓν»-однородности сущего следует фундаментальный тезис, который Аристотель развернёт в книгах Z, H, Θ: **сущность есть первичное сущее** (ἡ οὐσία πρῶτον ὄν). Всё прочее называется сущим лишь в производном смысле: качество *есть* лишь поскольку оно есть качество *сущности*; количество *есть* лишь поскольку оно есть количество *сущности*; движение *есть* лишь поскольку оно есть путь к *сущности* или от неё.

Это не означает, что качества, количества и движения «менее реальны», чем сущности, в каком-то вульгарном

смысле. Это означает, что их *бытие* структурно зависит от бытия сущности: они не могут существовать отдельно от сущности (кроме, возможно, некоторых особых случаев, которые Аристотель обсуждает в «Категориях» и «Метафизике»). Сущность — это то, *в чём* они существуют, то, *к чему* они относятся, то, *ради чего* они есть.

Эта онтологическая первичность сущности имеет и эпистемологическое следствие: наука о сущем как сущем есть прежде всего наука о сущности. Но, поскольку всё прочее сущее определяется через отношение к сущности, та же самая наука, которая знает сущность, знает и всё сущее — не в его частных определениях (это дело частных наук), а в его общей структуре отношения к сущности.

5. Александр Афродисийский как интерпретатор главы 1

5.1. Метод Александра

Александр Афродисийский (кон. II — нач. III в. н. э.) — крупнейший представитель аристотелизма эпохи принципата и один из самых влиятельных комментаторов Аристотеля в античности. Его комментарий на «Метафизику» (из которого сохранилась лишь часть, охватывающая книги А–Д и отчасти другие) — древнейший из дошедших до нас подробных комментариев на это сочинение.

Метод Александра — это метод парафрастического комментария: он не просто объясняет отдельные слова и фразы, но *переформулирует* аргумент Аристотеля в более эксплицитной форме, восполняя опущенные логические шаги и проясняя неясные места. В приведённых фрагментах это видно особенно ясно: Александр разворачивает сжатое аристотелевское рассуждение о первых причинах в полноценный силлогизм, вводит различения, которые у Аристотеля лишь подразумеваются (например, два смысла «причины по совпадению»), и связывает обсуждаемые положения с другими сочинениями Аристотеля (прежде всего с «Физикой»)

и «Второй аналитикой»).

5.2. Ключевые интерпретативные решения Александра

В комментарии к главе 1 можно выделить несколько важных интерпретативных решений Александра.

Первое. Александр подчёркивает, что наука о сущем как сущем есть наука *доказательная* (ἀποδεικτική). Это важно, потому что в более поздней традиции (особенно у неоплатоников) первая философия будет пониматься скорее как интуитивное, недосказуемое знание, возвышающееся над дискурсивным мышлением. Александр же остаётся верен аристотелевскому идеалу науки как системы доказательств: первая философия доказывает свойства сущего как сущего, исходя из начал, которые сами не доказываются, но принимаются как очевидные или устанавливаются эленхически (об этом — в главах 4–8 книги Г).

Второе. Александр связывает единство науки о сущем с учением о тождестве сущего и единого. В приведённом фрагменте он говорит: «прежде всего он устанавливает, что она занимается сущим как сущим, поскольку сущее и единое тождественны по субстрату» (ὅτι πρὶ τὸ ὄν κατὰ τὸ ὄντι τῷ ἔν κατὰ τὸ ὑποκείμενον τὸ αὐτό). Это отсылает к главе 2 книги Г, где Аристотель докажет, что сущее и единое — одно и то же по субстрату, хотя и различны по определению.

Александр уже здесь предвосхищает этот тезис, показывая, что единство науки о сущем обеспечивается в конечном счёте тождеством сущего и единого: всё сущее едино, всё единое есть сущее, поэтому наука о сущем есть наука о едином и о всём, что из него следует (тождественное, равное, подобное) и что ему противоположно (иное, неравное, неподобное, многое).

Третье. Александр обращает внимание на то, что наука о сущем как сущем есть наука о *противоположностях*. Поскольку всё сущее либо есть противоположность, либо состоит из противоположностей, а познание противоположностей едино, наука о сущем должна рассматривать все противоположности. Это аристотелевское положение, восходящее к платоновскому учению о том, что одна и та же наука знает противоположное (ср. «Государство» 333е–334а, «Хармид» 166е–167а), Александр разворачивает в целую программу: наука о сущем рассматривает тождественное и иное, равное и неравное, подобное и неподобное, единое и многое, а также все прочие противоположности, поскольку все они сводятся к этим первым.

Четвёртое. Александр подчёркивает, что та же наука, которая рассматривает сущее как сущее, рассматривает и *аксиомы* (τὰ ἀξιώματα). Это важно, потому что в главе 1 Аристотель ещё не говорит об аксиомах; он введёт их в главе 3. Но Александр, предвосхищая ход аристотелевской аргументации, уже здесь показывает, что исследование сущего как

сущего с необходимостью включает исследование наиболее общих принципов, применимых ко всему сущему, — таких как закон противоречия.

5.3. Оценка интерпретации Александра

Интерпретация Александра отличается строгостью и верностью букве аристотелевского текста. Он не навязывает Аристотелю чуждых ему учений, но стремится эксплицировать то, что в тексте Аристотеля сжато и неясно. Вместе с тем в его комментарии заметны и некоторые тенденции, характерные для аристотелизма имперской эпохи:

- **Систематизация:** Александр стремится представить «Метафизику» как стройную систему, в которой каждая часть занимает своё логическое место. Это не всегда соответствует апоретическому, исследовательскому характеру аристотелевского текста, который часто оставляет вопросы открытыми.

- **Рационализация:** Александр стремится дать рациональную реконструкцию всех аргументов Аристотеля, даже там, где Аристотель ограничивается аналогией или индуктивным примером. Это может приводить к излишней формализации.

- **Гармонизация с другими сочинениями:** Александр постоянно ссылается на «Физику», «Вторую аналитику», «Категории», стремясь показать единство аристотелевской

философии. Это ценно как историко-философский метод, но иногда приводит к сглаживанию реальных различий между разными сочинениями.

6. Философское значение главы 1

6.1. Онтология и теология

Глава 1 книги Г закладывает основания того, что впоследствии будет названо *онтологией* — наукой о сущем как таковом. Хотя сам термин «онтология» появляется лишь в XVII веке (впервые, по-видимому, у Я. Лорхарда, 1606, и Р. Гоклениуса, 1613), предмет, который он обозначает, был впервые систематически определён именно здесь.

Вместе с тем Аристотель не отделяет онтологию от теологии. Наука о сущем как сущем есть одновременно наука о первых началах и высочайших причинах, а первые начала — это божественное. Поэтому первая философия есть и онтология, и теология. Это двуединство станет источником длительных споров в средневековой арабской философии (спор между Авиценной, который делал акцент на онтологии, и Аверроэсом, который делал акцент на теологии) и в латинской схоластике (спор о том, является ли предметом метафизики сущее как сущее или Бог).

6.2. Наука и универсальность

Глава 1 также закладывает основания аристотелевского понимания науки. Наука в строгом смысле есть доказательное знание о том, что присуще предмету самому по себе. Частные науки ограничены своими предметными областями; первая философия охватывает всё. Но её универсальность — не пустая всеобщность, а структурная универсальность: она знает *первое* (сущность) и через него — всё, что соотносено с первым.

Это понимание универсальности как *первичности* — одно из важнейших философских достижений Аристотеля. Наука о сущем как сущем универсальна не потому, что она делает обобщения обо всём (это было бы невозможно), а потому, что она знает то, *к чему* всё остальное относится как к своему началу и причине. Универсальность первой философии есть универсальность *начала*, а не универсальность *объёма*.

6.3. Проблема единства науки и «фокальное значение»

Наконец, глава 1 вводит в философию проблему, которая останется центральной для всей последующей метафизики: как возможна единая наука о том, что сказывается многооб-

разно? Ответ Аристотеля — через понятие «πρὸς ἓν»-однородности, через отнесённость всех значений к одному фокусу — стал образцом для всех последующих попыток обосновать единство философского знания.

Этот ответ имеет далеко идущие следствия. Он означает, что единство науки не обязательно должно быть единством рода или единством определения. Оно может быть единством *системы*, в которой все элементы связаны отношением к одному центру. Это открывает возможность для понимания философии не как совокупности разрозненных дисциплин и не как единой дедуктивной системы, а как *систематического* знания, в котором все части связаны через отношение к одному началу.

В этом смысле глава 1 книги Г — не просто техническое введение в аристотелевскую метафизику, но и образец философского мышления, показывающий, как возможно научное знание о целом, которое не сводится к сумме своих частей.

7. Заключительные замечания

Первая глава книги Г «Метафизики» — один из самых насыщенных и философски значимых текстов Аристотеля. В ней:

- впервые в истории философии систематически ставится вопрос о возможности науки о сущем как таковом;
- вводится фундаментальное различие между первой философией и частными науками;
- разрабатывается учение о «πρὸς ἓν»-однородности сущего, позволяющее обосновать единство науки при многообразии значений сущего;
- закладывается основа для последующего введения аксиом и прежде всего закона противоречия.

Александр Афродисийский, комментируя эту главу, не только разъясняет её, но и вписывает в более широкий контекст аристотелевской философии, связывая её с «Физикой», «Второй аналитикой», «Категориями». Его комментарий — ценный источник для понимания того, как античный аристотелизм воспринимал и систематизировал учение Аристотеля о первой философии.

Что остаётся от главы 1 сегодня

Если читать первую главу книги Г не как музейный экспонат, а как текст, обращённый к нам, то поражает, насколько нерешёнными остаются поставленные в ней вопросы. Аристотель утверждает: есть наука, которая рассматривает сущее как сущее. Но что это значит — «как сущее»? Не как числа (этим занимается арифметика), не как величины (этим — геометрия), не как живые существа (этим — биология), а именно в том отношении, в котором всё перечисленное *есть*. Мы настолько привыкли к этому обороту, что перестали слышать его странность. Каково это — рассматривать вещь не со стороны её определённости, а со стороны самого её бытия? Что мы видим, когда смотрим на мир так?

Аристотель отвечает: мы видим *сущность*. Всё, что есть, есть либо как сущность, либо по отношению к сущности — как её состояние, её путь, её лишённость, её отрицание. Но этот ответ не закрывает вопрос, а лишь переводит его на следующий уровень. Что такое сущность? Почему именно она — первое? Почему всё прочее выстраивается вокруг неё, а не наоборот?

Александр Афродисийский, комментируя эти строки, делает одну важную вещь: он показывает, что аристотелевский текст — не набор готовых ответов, а *программа работы*. Он разворачивает сжатые аристотелевские формулировки в экс-

плитные рассуждения, восполняет опущенные шаги, связывает сказанное здесь с «Физикой», «Второй аналитикой», «Категориями». И в этой работе комментатора видно, что сам он воспринимает Аристотеля не как авторитет, который всё решил, а как собеседника, с которым нужно спорить и додумывать.

Эта незавершённость — не слабость, а сила главы 1. Она ставит вопросы, которые не имеют окончательного ответа именно потому, что они — *первые* вопросы. Что значит «быть»? Возможна ли единая наука о всём, что есть? Не распадается ли знание на множество частных дисциплин, между которыми нет общего основания? Эти вопросы возникают снова и снова — в средневековых спорах об универсалиях, в новоевропейской метафизике, в современных дискуссиях о соотношении науки и философии.

Когда мы сегодня спрашиваем, чем занимается онтология и не является ли она пустым словесным упражнением, — мы, по сути, повторяем вопрос Аристотеля. Когда мы спрашиваем, можно ли говорить о «сущем вообще», или всякое осмысленное высказывание привязано к конкретной области, — мы воспроизводим то затруднение, которое Аристотель пытается разрешить через учение о «πρὸς ἓν»-однородности. Когда мы сомневаемся, есть ли у философии собственный предмет, отличный от предметов частных наук, — мы снова оказываемся в начале книги Г.

Глава 1 ценна не тем, что она даёт окончательные ответы,

а тем, что она учит *ставить* эти вопросы так, чтобы они не превращались в пустые абстракции. Аристотель показывает: вопрос о сущем как сущем — не праздный вопрос, потому что от ответа на него зависит, можем ли мы вообще мыслить мир как целое, а не как разрозненную сумму фрагментов. И Александр показывает: ответ Аристотеля — не догма, а приглашение к дальнейшей работе, которое остаётся открытым.

Предмет первой философии: сущее как сущее

Аристотель, 1003a21–33

Ἔστιν ἐπιστήμη τις ἥ θεωρεῖ τὸ ὄν ἢ ὄν καὶ τὰ τούτῳ ὑπάρχοντα καθ' αὐτό. αὕτη δ' ἐστὶν οὐδεμιᾶ τῶν ἐν μέρει λεγομένων ἢ αὐτῇ· οὐδεμία γὰρ τῶν ἄλλων ἐπισκοπεῖ καθόλου περὶ τοῦ ὄντος ἢ ὄν, ἀλλὰ μέρος αὐτοῦ τι ἀποτεμόμεναι περὶ τούτου θεωροῦσι τὸ συμβεβηκός, οἷον αἱ μαθηματικαὶ τῶν ἐπιστημῶν. ἐπεὶ δὲ τὰς ἀρχὰς καὶ τὰς ἀκροτάτας αἰτίας ζητοῦμεν, δῆλον ὡς φύσεώς τινος αὐτὰς ἀναγκαῖον εἶναι καθ' αὐτήν. εἰ οὖν καὶ οἱ τὰ στοιχεῖα τῶν ὄντων ζητοῦντες ταύτας τὰς ἀρχὰς ἐξήτουν, ἀνάγκη καὶ τὰς τοῦ ὄντος ἢ ὄν ἀρχὰς εἶναι.

Существует некая наука, которая рассматривает сущее как сущее и то, что присуще ему само по себе. Эта наука не тождественна ни одной из так называемых частных наук: ведь ни одна из прочих наук не рассматривает сущее как сущее в его общности, но, отделяя себе какую-то часть сущего, исследует присущее этой части, как, например, науки математические. А поскольку мы ищем начала и высочайшие причины, ясно, что они необходимо должны быть началами и причинами некоторой природы, существующей самой по себе. Поэтому если и те, кто искал элементы сущего, искали

именно эти начала, то и начала сущего как сущего должны быть таковыми.

Александр, Вступление

Ἐν τῇ Μετὰ τὰ φυσικὰ πραγματεία, ἣν ἦν σοφίαν προειπὼν, ὅτι καὶ θεολογικὴν ἔθος αὐτῷ καλεῖν, περὶ τοῦ ὄντος δείξας ὅτι ἡ προκειμένη πραγματεία μήτε τῶν περὶ τὴν γνῶσιν καταγινομένων ἐστὶ τεχνῶν ἢ ἐπιστημῶν μήτε τῶν πρακτῶν, ἀλλ' ἔστιν αὐτῆς χάριν τῆς γνώσεώς τε καὶ ἐπιστήμης μετιοῦσι, δείξας δὲ αὐτὴν θεωρητικὴν οὖσαν τῶν πρώτων ἀρχῶν τε καὶ τούτων ἃ μάλιστα ὄντα, πρὸ τοῦ ζητεῖν τίνες αἱ πρώται ἀρχαί, κινεῖ περὶ τῶν αἰτίων λόγον καὶ τὰς δόξας τῶν πρὸ αὐτοῦ τὰς ἀρχῶν ἐκθέμενός τε καὶ ἱστορήσας καὶ ἀντειπὼν πρὸς αὐτάς, δείξας ὅτι τίνες ἀρχαὶ πρώται, καὶ ὥς οὐκ ἐπ' ἄπειρον ἡ τῶν ἀρχῶν ἀνοδος, καὶ ἐπὶ χρήσιμον καὶ ἀναγκαῖον πρὸς τὴν εὕρεσιν τῶν τῇ σοφίᾳ προκειμένων καὶ τὰς ἀπορίας περὶ τε τοῦ ὄντος καὶ τῶν ἀρχῶν καὶ τῶν τούτοις παραπλησίως τὰς ἀπορίας ἄρχεται λοιπὸν τοῦ προκειμένου τοῦ Γ βιβλίου, ἐν ᾧ τε καὶ κατασκευάζων τὰ αὐτῷ δοκοῦντα καὶ λύων τὰ ἠπορημένα.

В сочинении «Метафизика», которое он прежде назвал мудростью, — ибо у него в обычае называть её также теологией, — [Аристотель], показав относительно сущего, что настоящее сочинение не относится ни к числу искусств или наук, обращённых на познание, ни к числу практических, но что к нему обращаются ради самого познания и знания, и показав, что оно является теоретическим учением о пер-

вых началах и о том, что есть сущее в высшей степени, — прежде чем исследовать, каковы первые начала, он обращается к рассуждению о причинах и, изложив и рассмотрев мнения своих предшественников о началах и возразив против них, показывает, каковы первые начала, и что восхождение к началам не уходит в бесконечность, и что это полезно и необходимо для отыскания предметов, предложенных мудрости. Затем он, наконец, приступает к предмету книги Г, в которой и обосновывает собственные воззрения, и разрешает возникшие апории, касающиеся сущего, начал и тому подобного.

Аристотель, 1003a33–b19

τὸ ὃν λέγεται μὲν πολλαχῶς, ἀλλὰ πρὸς ἓν καὶ μίαν τινὰ φύσιν καὶ οὐχ ὁμωνύμως. ἀλλ' ὥσπερ τὸ ὑγιεινὸν ἅπαν πρὸς ὑγίειαν, τὸ μὲν τῷ φυλάττειν, τὸ δὲ τῷ ποιεῖν, τὸ δὲ τῷ σημεῖον εἶναι τῆς ὑγιείας, τὸ δὲ τῷ δεκτικὸν εἶναι αὐτῆς, καὶ τὸ ἱατρικὸν πρὸς ἱατρικὴν λέγεται (τὸ μὲν γὰρ τῷ ἔχειν ἱατρικὴν, τὸ δὲ τῷ εὐφυῆς εἶναι πρὸς αὐτήν, τὸ δὲ τῷ ἔργον εἶναι τῆς ἱατρικῆς), καὶ ἄλλα δὴ οὕτω λεγόμενα εὐροιμεν ἄν. οὕτω δὲ καὶ τὸ ὃν λέγεται πολλαχῶς μὲν ἀλλὰ πᾶν πρὸς μίαν ἀρχήν· τὰ μὲν γὰρ ὅτι οὐσίαι, ὄντα λέγεται, τὰ δ' ὅτι πάθη οὐσίας, τὰ δ' ὅτι ὁδοὶ εἰς οὐσίαν, τὰ δ' ὅτι φθοραὶ ἢ στερήσεις ἢ ποιότητες ἢ ποιητικὰ ἢ γεννητικὰ οὐσίας ἢ τῶν πρὸς τὴν οὐσίαν λεγομένων, ἢ τούτων τινὸς ἀποφάσεις ἢ οὐσίας· διὸ καὶ τὸ μὴ ὃν εἶναι μὴ ὃν λέγομεν. ὥσπερ οὖν περὶ τὸ ὑγιεινὸν μία ἐπιστήμη καὶ ἐν ἀπάσαις ταύταις ἐστίν, ὁμοίως δὲ καὶ

ἐπὶ τῶν ἄλλων, οὐ μόνον τῶν καθ' ἓν λεγομένων ἀλλὰ καὶ τῶν πρὸς ἓν, οὕτω καὶ περὶ τὸ ὄν ἧ ὄν μίαν εἶναι πάντων θεωρῆσαι.

Сущее сказывается во многих значениях, однако всякий раз — по отношению к одному началу и к одной природе, а не омонимически. Подобно тому как всё здоровое соотносится со здоровьем — одно потому, что сохраняет здоровье, другое потому, что производит его, третье потому, что служит признаком здоровья, четвёртое потому, что способно его воспринимать, — и подобно тому как врачебное сказывается по отношению к врачебному искусству (одно — потому что обладает врачебным искусством, другое — потому что имеет природную к нему способность, третье — потому что является делом врачебного искусства), — так же, как мы могли бы обнаружить, обстоит дело и с другими сказываниями. Таким же образом и сущее сказывается во многих значениях, но всякий раз — по отношению к одному началу: одно называется сущим, потому что оно — сущность, другое — потому что оно состояние сущности, третье — потому что оно путь к сущности, четвёртое — потому что оно уничтожение, или лишённость, или качество, или нечто производящее, или порождающее сущность либо то, что сказывается по отношению к сущности, или же отрицание чего-либо из перечисленного либо самой сущности. Поэтому мы и о не-сущем говорим, что оно есть не-сущее. Итак, подобно тому как обо всём здоровом существует одна наука во всех этих

случаях, и точно так же обстоит дело и в прочих случаях — не только для того, что сказывается по одному [роду], но и для того, что сказывается по отношению к одному, — так и рассмотрение сущего как сущего есть дело одной науки.

Александр, Комментарий

Ἐν τῷδε τῷ βιβλίῳ περὶ τίνα ἐστὶν ἡ σοφία, ἣν καὶ φιλοσοφίαν πρῶτην φιλοσοφίαν. καὶ πρῶτον συνίστησιν ὅτι περὶ τὸ ὄν κατὰ τὸ ὄντι τῷ ἓν κατὰ τὸ ὑποκείμενον τὸ αὐτό, ὅτι καὶ περὶ τοῦτο. ἂν ὑπὸ τῷ ἓν, ὧν ἐστὶ τὰδε· ταῦτόν, ἴσον, ὅμοιον. ἀλλὰ καὶ περὶ τῶν κατὰ τῷ ἐνί, ταῦτα δέ ἐστι τὰ πολλά· τῆς αὐτῆς ἡ γνῶσις τῶν ἐναντίων, καὶ τῶν τοῖς εἰρημένοις μόνον ἀντικειμένων, ἀλλὰ τῶν ἐναντίων· πάντα τὰ ἐναντία ὑπὸ τὴν ἐτερότητα, ἡ δὲ τὰ πολλά, τὰ δὲ πολλά τῷ ἐνί ἀντικείμενα. εἰ δὲ περὶ πάντων τῶν τε ἀντικειμένων, δῆλον ἐκ τούτου ὅτι περὶ παντὸς τοῦ ὄντος· πάντα τὰ ὄντα ἐν τούτοις· ἡ ἐναντία ἢ ἐξ ἐναντίων. ἀλλ' εἰ περὶ πάντα τὰ ὄντα, περὶ πάντα τὰ καθ'αὐτά τε καὶ κοινῶς τῷ ὄντι ἢ ὄν ὑπάρχοντα· τοιαῦτα δὲ τὰ ἀξιώματα. ἐφ'οῖς δείκνυσιν ὅτι κοινότατον καὶ γνωριμώτατον τῶν ἀξιωμάτων ἐστὶ τὸ μὴ δύνασθαι συνυπάρχειν τὴν ἀντίφασιν.

В этой книге речь идёт о том, чем занимается мудрость, которую он называет также первой философией. И прежде всего он устанавливает, что она занимается сущим как сущим, поскольку сущее и единое тождественны по субстрату, и что она занимается также и этим единым. Всё, что подпадает под единое, таково: тождественное, равное, подобное.

Но она занимается и тем, что относится к единому, а именно — многим; ибо познание противоположностей — одно и то же, и она занимается не только тем, что противоположно названному, но и противоположностями вообще. Все противоположности подводятся под инаковость, инаковость же относится ко многому, а многое противоположно единому. Если же она занимается всеми противоположностями, то из этого ясно, что она занимается и всем сущим; ибо всё сущее заключено в них: всё есть либо противоположности, либо состоит из противоположностей. Но если она занимается всем сущим, то она занимается и всем тем, что присуще сущему как сущему само по себе и в общем. Таковы аксиомы. И на их основании он показывает, что наиболее общей и наиболее известной из аксиом является та, согласно которой противоречие не может сосуществовать [одновременно].

Александр, Комментарий (продолжение)

πρῶτον δὲ ἐν αὐτῷ δείκνυσι, λαβὼν ὅτι ἡ σοφία περὶ τῷ ὄντι, ὅτι τὸ ὄν οὕτω λέγεται πολλαχῶς ὡς τὰ ἀφ' ἐνός τε καὶ πρὸς ἑν· ὡς δὲ λέγεται τὸ ὄν ἑν, οὕτω μία ἐπιστήμη δοκεῖ τοῦ ὄντος ἢ ὄν· διὸ καὶ περὶ τὴν ταύτην θεωρίαν ἐστὶν ἡ προκειμένη ἐπιστήμη, πρώτη τε οὕσα ἀπασῶν ἐπιστημῶν καὶ κυριωτάτη.

Прежде всего в ней он показывает, приняв, что мудрость занимается сущим, что сущее сказывается многообразно — так же, как то, что [сказывается] «от одного» и «по отношению к одному». И поскольку сущее сказывается [в отнесе-

нии к] единому, постольку и наука о сущем как сущем представляется единой. Поэтому настоящая наука и занимается этим рассмотрением, будучи первой из всех наук и наиглавнейшей.

Александр, Комментарий (продолжение)

ἐρεῖ δὲ ὅτι καὶ περὶ ταῦτα τῷ σοφῷ ὃ τε διαλεκτικὸς καὶ ὁ σοφιστής· περὶ τῶν καθ' αὐτὰ καὶ κοινῶς τῷ ὄντι ἢ ὃν ὑπαρχόντων καὶ οὗτοι τοὺς λόγους ποιοῦνται· ἐὰν περὶ τι γένος ἢ πραγματεία αὐτοῖς ὡς ἐκάστη τῶν ἄλλων τεχνῶν τε καὶ ἐπιστημῶν, ἀλλ' ὁ μὲν αὐτῶν ψευδὴς καὶ διὰ ψευδῶν ἐπιχειρητικός, ὁ δὲ διὰ πιθανῶν τε καὶ ἐνδόξων· ἡ δὲ σοφία ἐπιστημονικῶς τούτων ἐστὶ τῶν κοινῶς τῷ ὄντι ἢ ὃν ὑπαρχόντων θεωρητική. δεικνὺς δὲ τὸ μὴ δύνασθαι τὴν ἀντίφασιν εἶναι ἀληθῆ ἢ ψευδῆ, ἀλλὰ καὶ παντὸς δεῖν θάτερον μέρος τῆς ἀντιφάσεως ἀληθὲς ἢ δὲ ψεῦδος εἶναι, ἀντερεῖ καὶ πρὸς Ἡράκλειτον καὶ Πρωταγόραν, οἳ ᾤοντο εἶναί τι τῆς ἀντιφάσεως μεταξύ. ἤδη δὲ αὐτῶν τῶν προκειμένων ἀρχώμεθα.

Он скажет также, что одним и тем же, [что и] мудрец, занимаются и диалектик, и софист: и они ведут свои рассуждения о том, что присуще сущему как сущему само по себе и в общем. Но хотя и у них предмет служит некий род — как у каждой из прочих наук и искусств, — один из них, [софист], лжив и строит свои нападки на основании ложного, а другой, [диалектик], — на основании вероятного и правдоподобного. Мудрость же есть наука, которая рассматривает эти об-

щие [свойства], присущие сущему как сущему, с помощью доказательства. Показывая же, что противоречие не может быть одновременно истинным или ложным, но что для всякой [вещи] необходимо, чтобы одна часть противоречия была истинной, а другая — ложной, он будет возражать против Гераклита и Протагора, которые полагали, будто между [частями] противоречия существует нечто среднее. Теперь же приступим к самим предметам.

Александр, Комментарий к началу книги Γ

“Ὅτι ἔστιν --- αὐτά.” λαμβάνει πρῶτον τὸ εἶναί τινα ἐπιστήμην περὶ τὸ ἐν ὄν, τουτέστι τοῦ ὄντος ἢ ὄν θεωρητικὴν τε καὶ ἀποδεικτικὴν τῶν τούτῳ καθ' αὐτὰ ὑπαρχόντων. πᾶσα γὰρ ἡ ὀτινοσοῦν ἐπιστήμη τῶν ἐκείνῳ καθ' αὐτὸ ὑπαρχόντων ἐστὶν ἀποδεικτική, καὶ εἶναί τινα περὶ τὸ ὄν ἐπιστήμην ἣν προῖὼν δείξει, νῦν δὲ προσίθῃσι τῷ εἰρημένῳ τὸ καὶ ἄλλην εἶναι ταύτην τὴν ἐπιστήμην τῶν ἄλλων ἀπασῶν ἐπιστημῶν.

«Что существует...» — сначала он принимает, что существует некая наука о едином сущем, то есть наука, созерцающая сущее как сущее и доказывающая то, что присуще ему само по себе. Ибо всякая наука, какова бы она ни была, доказывает то, что присуще её предмету само по себе. И что существует некая наука о сущем — это он покажет в дальнейшем; теперь же он прибавляет к сказанному, что эта наука отлична от всех остальных наук.

Александр, Комментарий (продолжение)

ἔπειτα δείκνυσιν ὅτι αὕτη ἡ ἐπιστήμη σοφία, περὶ ἧς ἦν ὁ ἐνεστὼς λόγος. τοῦτο δὲ δείκνυσι διὰ τὸ δείξαι τὰς ἀκροτάτας ἀρχὰς τε καὶ αἰτίας, περὶ ἧς ὁ σοφὸς καταγίνεται, προτέρας οὖσας φύσεώς τινος ἀρχὰς καθ' αὐτάς, ἔπειτα ὅτι ταύτης τῆς φύσεως τοῦ γὰρ ὄντος ἢ ὄν αἰτιαῖται ἀρχαί.

Затем он показывает, что эта наука есть мудрость, о которой и шла речь. Это он доказывает, показав, что высочайшие начала и причины, которыми занимается мудрец, суть начала некоторой природы, [существующей] самой по себе, и затем — что они принадлежат именно этой природе; ибо таковы начала сущего как сущего.

Александр, Комментарий (продолжение)

ὅτι μὲν οὖν ἡ περὶ τὸ ὄν ἢ ὄν ἐπιστήμη ἄλλη τῶν λοιπῶν ἐπιστημῶν, δῆλον ἐκ τοῦ ἐκάστην περὶ τὶ ἐν καὶ μέρος τοῦ ὄντος πραγματεύεσθαι· ἡ μὲν ἀριθμητικὴ περὶ ἀριθμούς, οἳ τινες τὶ ὄν εἰσιν, ἡ δὲ γεωμετρία περὶ γραμμὰς καὶ ἐπίπεδα καὶ στερεά, καὶ αὐτὰ τινὰ ὄντα. τὸν αὐτὸν δὲ τρόπον καὶ τῶν ἄλλων ἐκάστη περὶ μέρος τι τοῦ ὄντος καταγίνεται καὶ τὰ τούτῳ καθ' αὐτὰ θεωρεῖ (τὰ συμβεβηκότα τοῦτο σημαίνει νῦν)· τοῦτο δὲ ἐκάστης ἐπιστήμης ἴδιον. ἡ δὲ μὴ περὶ ὄν τι καταγινομένη μηδὲ μέρος τοῦ ὄντος, ἀλλ' ἀπλῶς περὶ τὸ ὄν ἢ ὄν ἐστι, διὸ καὶ τὰ τινὰ ὄντα ὑφ' ἑαυτὴν ὑποκείμενα ἔχουσα, ἄλλη ἐκείνων εἴη ἂν.

Что наука о сущем как сущем отлична от остальных наук, ясно из того, что каждая из прочих наук занимается чем-

то одним и некоторой частью сущего: арифметика — числами, которые суть некое сущее; геометрия — линиями, плоскостями и телами, которые также суть некое сущее. Таким же образом и каждая из остальных наук занимается некоторой частью сущего и рассматривает то, что присуще ей самой по себе (именно это теперь означают привходящие свойства). Это и есть отличительная особенность каждой науки. Та же наука, которая занимается не каким-то определённым сущим и не частью сущего, но сущим как сущим как таковым, и потому имеет подчинёнными себе в качестве подлежащего частные сущие, будет отлична от тех.

Александр, Комментарий (продолжение)

λαβὼν δὲ τὸ εἶναί τινα περὶ τὸ ὄν ἢ ὄν, καὶ δείξας αὐτῆς τὴν πρὸς τὰς ἄλλας ἐπιστήμας, μετὰ ταῦτα δείκνυσιν ὅτι αἱ ἀρχαὶ αἱ πρῶται καὶ τὰ αἷτια τὰ ὑπὲρ ὧν τὴν ζήτησιν ἡ σοφία ποιεῖται καὶ ἡμεῖς νῦν ζητοῦμεν διὰ τὸ ἀπορίας ἡμῖν εἶναι τοῦ ἔνεστῶτος λόγου, οὐκ ἄλλου τινός εἰσιν ἀρχαὶ ἀλλὰ τοῦ ὄντος ἢ ὄν. εἰ δὲ τοῦτο, εἴη ἂν ἦν περὶ τοῦ ὄντος εἰρήκαμεν ἐπιστήμην εἶναι, αὕτη οὕσα ἡ σοφία· ἥς δὲ καὶ θεωρεῖν τὰς καθ'αὐτὸ καὶ αἰτίας φύσεώς τινος, εἴη ἂν ταύτης τὰ τε τῆς φύσεως ταύτης, καὶ μίαν, θεωρητικὴν εἶναι. τοῦτο δὲ δείκνυσιν ὅτως. λαμβάνει τὸ εἶναι τὰς πρῶτας καὶ τὰς ἀκροτάτας αἰτίας, ἃς νῦν φησὶν εἶναι τὰς ὑπ' αὐτοῦ, τουτέστιν ὑπὸ τοῦ σοφοῦ τε καὶ πρώτου φιλοσόφου, φύσεώς τινος εἶναι καθ'αὐτὸ καὶ μὴ κατὰ συμβεβηκός· πᾶσα γὰρ ἀρχὴ καὶ πᾶν αἰτιόν ἐστι,

καὶ αὕτη γε κυρίως ἀρχὴ καὶ αἰτία ἢ καθ'αὐτὸ τινός τε καὶ κατὰ συμβεβηκός· ὥστε καὶ αἱ πρῶται ἀρχαί, μάλιστα οὔσαι ἀρχαί, φύσεώς τινος ἀρχαί καθ'αὐτὸ καὶ μὴ κατὰ συμβεβηκός. τῶν μὲν οὖν καθ' ἕκαστον εἶδενος τοιαῦται αἱ ἀρχαί· οὐδενος δὲ τῶν τοιούτων αἱ ἀρχαί πρῶταί εἰσιν ἀλλὰ καθ' ἕκαστον τοιούτων ἀρχαί.

Приняв, что существует некая наука о сущем как сущем, и показав её отличие от других наук, затем он показывает, что первые начала и высочайшие причины, которые исследует мудрость и которые мы теперь исследуем из-за затруднений, возникающих в настоящем рассуждении, суть начала не чего-то иного, но сущего как сущего. А если это так, то наука, которую мы назвали наукой о сущем, и есть мудрость. Ей же свойственно рассматривать то, что присуще само по себе, и причины некоторой природы; и эта наука будет наукой об этой природе, и притом единой, и созерцательной. Это он доказывает следующим образом. Он принимает, что первые и высочайшие причины, которые, как он говорит, исследуются им, то есть мудрецом и первым философом, суть начала некоторой природы сами по себе, а не по совпадению. Ибо всякое начало и всякая причина есть начало и причина чего-то, и в собственном смысле началом и причиной является то, что есть начало и причина чего-то самого по себе, а не по совпадению. Поэтому и первые начала, будучи началами в наибольшей степени, суть начала некоторой природы сами по себе, а не по совпадению. И для каждого отдельного

вида таковы его начала; однако ни для какого из таких частных [родов] эти начала не являются первыми, но для каждого такого [рода] существуют свои собственные начала.

Александр, Комментарий (продолжение)

σημεῖον δὲ ὅτι τὰς περὶ αὐτῶν ἐπιστήμας οἱ μὲν αὐτῶν τὰς ἀρχάς, ἄλλας δὲ καὶ μὴ ταύτας ἔχειν. ἀλλὰ τίνες αἱ πρῶται ἀρχαὶ καὶ ἀκρόταται. τίνα δὲ τὰ κατὰ συμβεβηκὸς αἷτια οὐ καθ' αὐτά, ἔδειξεν ἐν τῇ Φυσικῇ Ἀκροάσει· τὰ τε γὰρ μὴ καθ' αὐτά ὄντα μηδὲ πρῶτως, ἀλλὰ κατὰ τὴν ἐπ' ἄλλο ἀναφοράν. οὕτως τὸ τρίγωνον νῦν φαμεν καθ' αὐτὸ αἷτιον εἶναι τὸ δυσὶν ὀρθαῖς ἴσας ἔχειν τὰς γωνίας, ἀλλὰ κατὰ συμβεβηκός, ὅτι ἄλλου τοῦτο καθ' αὐτὸ αἷτιον ἐστὶ πρῶτως καὶ πρῶτου· τοῦ γὰρ τριγώνου. ἀλλὰ καὶ τὰ τοῖς καθ' αὐτά αἰτίοις συμβεβηκότα, ὡς ὁ Πολύκλειτος τοῦ ἀνδριάντος, κἀκεῖνα λέγεται κατὰ συμβεβηκὸς αἷτια· ὧν τὰ μὲν τελευταῖα οὐδὲ ὅλως ἐστὶν αἷτια, τὰ δὲ πρῶτα εἰρημένα ἐστὶ μὲν τινων αἷτια ἄλλ' οὐ τούτων. τὰ δὲ πρῶτα αἷτια οὔτε κατὰ τὸν δεῦτερον τρόπον τοῦ κατὰ συμβεβηκὸς αἷτια οἷόν τε τοῦ ὄντος λέγειν (οὐ γὰρ οἷόν τε πρῶτα αὐτὰ αἷτια ὄντα μὴ αἷτια εἶναι) οὔτε κατὰ τὸν πρῶτον τρόπον· εἰ γὰρ κατὰ συμβεβηκός τοῦ ὄντος ἢ ὄν, ἄλλου τινὸς ἐπαναβεβηκότος ἔσται καθ' αὐτοῦ· ἄλλ' οὐδὲν ὑπὲρ τὸ ἐν. τὰ πρῶτα ἄρα αἷτια καθ' αὐτὰ αἰτιά τί ἐστὶ καὶ τοῦ ὄντος ἢ ὄν. αὐτὸς δὲ πρῶτον λαμβάνει ὅτι τινῶν ἐστὶν αἷτια καθ' αὐτά· εἰ γὰρ αἷτια, καὶ τινῶν, καὶ εἰ ὡς ἀληθῶς αἷτια, καθ' αὐτά. καὶ τοῦτ λαβὼν ταῦτα προσάγει ὅτι ἡ φύσις αὕτη, ἥς αἱ ἀκρόταται

τε καὶ πρῶται ἀρχαὶ εἰσιν, ἣν ζητοῦμεν, τὸ ὃν ἢ ὃν ἐστίν. ὁ συνέστησε τοιαύτη χρησάμενος λόγῳ. ὥσπερ οἱ τὰ στοιχεῖα τῶν ὄντων ζητοῦντες τὰς τοιαύτας ἀρχὰς ἐζήτουν καὶ τὰ τοιαῦτα αὐτῶν στοιχεῖα ἃ καθ' αὐτὰ ἦν αὐτῶν στοιχεῖα ἀλλ' οὐ κατὰ συμβεβηκός, οὕτω καὶ ἡμῖν ζητοῦσι τὰς τοῦ ὄντος πρῶτας ἀρχὰς καὶ τὰ αἷτια δεῖ τοιαῦτα ζητεῖν ἃ κυρίως καὶ καθ' αὐτὰ εἰσιν αὐτοῦ ἀρχαί. ἡ δὲ λέξις ἀσαφῶς ἔχει διὰ τὴν συντομίαν.

Признаком же того, что науки о частных [родах] имеют одни начала, а другие — не эти, [служит то, что они различны]. Но каковы первые и высочайшие начала? А что такое причины по совпадению, а не сами по себе, он показал в «Физике»: ведь то, что существует не само по себе и не первично, [существует] по отнесению к другому. Так, мы говорим, что треугольник сам по себе есть причина того, что его углы равны двум прямым; по совпадению же [он причина] потому, что это само по себе есть причина другого — первично и для первого, то есть для треугольника. Но и то, что случается с причинами самими по себе, как Поликлет [случается] со статуей, — и то называется причинами по совпадению; из них последние вообще не суть причины, а первые из названных суть причины некоторых вещей, но не этих. Первые же причины невозможно называть причинами сущего ни по второму способу [причин] по совпадению (ибо невозможно, чтобы первые причины, будучи причинами, не были причинами), ни по первому способу. Ибо если бы они

были причинами сущего как сущего по совпадению, то они были бы причинами чего-то другого, стоящего выше, самого по себе. Но нет ничего выше единого. Итак, первые причины сами по себе суть причины чего-то — и именно сущего как сущего. Сам же он сначала принимает, что они суть причины чего-то сами по себе: ибо если они причины, то причины чего-то, и если они поистине причины, то [они причины] сами по себе. И приняв это, он приходит к тому, что та природа, высочайшие и первые начала которой мы исследуем, есть сущее как сущее. Это он установил, воспользовавшись следующим рассуждением: как те, кто ищет элементы сущего, искали такие начала и такие элементы, которые были их элементами сами по себе, а не по совпадению, так и нам, ищущим первые начала и причины сущего, следует искать такие, которые в собственном смысле и сами по себе суть его начала. Изложение же неясно из-за краткости.

Глава II. Многозначность сущего и тождество с единым.

Введение к главе 2 книги Г «Метафизики» Аристотеля.

1. Место главы 2 в общем замысле книги Г

Первая глава книги Г установила два фундаментальных положения: во-первых, существует наука о сущем как сущем, отличная от всех частных наук; во-вторых, эта наука едина, несмотря на многозначность сущего, поскольку все значения сущего соотнесены с одним началом — сущностью. Однако первая глава оставила неразрешённым ряд вопросов, без ответа на которые обоснование единства первой философии остаётся неполным.

Прежде всего, если сущее сказывается многообразно и все его значения сводятся к сущности как к первому, то каковы *основные роды* сущего, каковы его *виды*? Является ли перечень категорий исчерпывающим, или же сущее как сущее

имеет иные, более фундаментальные определения? Далее, если наука о сущем едина, то как она соотносится с наукой о *едином*? Ведь единое, как и сущее, сказывается обо всём; более того, всё, что есть, есть нечто единое. Не есть ли тогда наука о сущем просто *то же самое*, что наука о едином? И если да, то не растворяется ли онтология в некоей общей «гнолологии» — учении о едином, — как это произойдёт позднее у неоплатоников, для которых единое окажется *выше* сущего?

Глава 2 отвечает на эти вопросы. Её центральный тезис: **рассмотрение единого и сущего — одно и то же** (περί ἑνὸς καὶ ὄντος ἡ αὐτὴ θεωρία). Сущее и единое тождественны, но не по определению (λόγος), а по *подлежащему* (ὑποκείμενον), по *следованию друг за другом* (τῷ ἀκολουθεῖν ἀλλήλοις). Это тождество имеет далеко идущие следствия: оно позволяет построить систему наиболее общих определений сущего — тождественного и иного, подобного и неподобного, равного и неравного — и обосновать, что все они, вместе со своими противоположностями, входят в предмет первой философии.

Александр Афродисийский в комментарии к этой главе проделывает огромную работу по систематизации аристотелевского текста. Он показывает, что глава 2 не является простым продолжением главы 1, но представляет собой самостоятельный этап аргументации: от установления *существования* и *единства* науки о сущем как сущем — к установлению *содержания* этой науки, её основных понятий и их вза-

и м о с в я з е й .

2. Структура главы 2

Глава 2 (1003b19–1005a18) имеет сложную, но строго продуманную структуру. Александр в своём комментарии выделяет следующие основные шаги:

1. **Тождество сущего и единого** (1003b22–34): сущее и единое — одно и то же по подлежащему, хотя и различны по определению; они следуют друг за другом, как начало и причина.

2. **Виды сущего и единого** (1003b33–1004a2): сколько видов единого, столько же и видов сущего; к ним относятся тождественное, подобное, равное; их рассмотрение, как и рассмотрение противоположного им (иного, неподобного, неравного), принадлежит одной науке.

3. **Сведение противоположностей к единому и множеству** (1004a2–b5): почти все противоположности сводятся к этому началу; философ должен рассматривать все противоположности, а не некоторые; поэтому он должен знать, что такое противоположность, её виды и свойства.

4. **Отличие философии от софистики и диалектики** (1004b5–26): софистика и диалектика занимаются тем же родом, что и философия, но отличаются от неё способом и целью; диалектика — испытующая способность, софистика — кажущаяся мудрость.

5. **Противоположности как начала** (1004b27–

1005a18): всё сущее либо противоположности, либо состоит из противоположностей; поэтому философу, исследующему начала, надлежит исследовать противоположности и их сведение к единому и множеству.

В рамках настоящего введения мы рассмотрим первые три шага, оставляя подробный анализ последних двух для последующего изложения.

3. Тожество сущего и единого

3.1. Постановка проблемы

Аристотель начинает главу с утверждения, которое может показаться самоочевидным: «Рассмотрение единого и сущего — одно и то же» (Περὶ ἑνὸς καὶ ὄντος ἡ αὐτὴ θεωρία). Но за этой кажущейся простотой скрывается сложная проблема.

С одной стороны, «сущее» и «единое» — не синонимы. Их определения различны: «сущее» означает «то, что есть», «единое» — «то, что не разделено» или «то, что непрерывно». Если бы они были синонимами, то утверждение «сущее едино» было бы тавтологией, а утверждение «единое есть сущее» — простым повторением. Но это не так: мы можем осмысленно спросить, *почему* всё сущее едино, и *почему* всё единое есть сущее. Эти вопросы не пусты, они требуют обоснования.

С другой стороны, сущее и единое *сопутствуют* друг другу: всё, что есть, есть нечто одно; всё, что одно, есть нечто. Невозможно найти сущее, которое не было бы единым, или единое, которое не было бы сущим. Они «следуют друг за другом» (ἀκολουθεῖν ἀλλήλοις), как говорит Аристотель.

Как разрешить это противоречие между различием определений и тождеством объёма? Аристотель отвечает: сущее и единое — «одно и то же и одна природа» (τὰ αὐτὸν καὶ μία φύσις), но не так, как если бы они были «выражены одним определением» (οὐχ ὡς ἐνὸς λόγῳ). Они тождественны по *подлежащему* (τῷ ὑποκειμένῳ), но различны по *понятию* (τῷ λόγῳ).

Александр поясняет это с помощью понятия субстрата. Сущность каждой вещи, говорит он, есть и сущее, и единое, но ни то, ни другое не является для неё чем-то привходящим (συμβεβηκός). Быть сущим и быть единым — это не акциденции сущности, а сама её действительность. Поэтому сущность есть «то, что есть сущее» (ὅπερ ὄν) и «то, что есть единое» (ὅπερ ἓν) в одном и том же смысле — в смысле первичного, не производного бытия.

3.2. Историко-философский контекст

Тезис о тождестве сущего и единого имеет долгую историю до Аристотеля.

Парменид первым в греческой философии отождествил бытие и единое: «Одно и то же — мыслить и быть» (τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστίν τε καὶ εἶναι, фр. В3 DK); сущее есть «единое, непрерывное» (ἓν, συνεχές, фр. В8 DK). Для Парменида это тождество имеет онтологический характер: сущее *есть* единое, и множественность есть лишь видимость, заблужде-

ние смертных.

Платон в «Софисте» подверг парменидовское отождествление критике. Если сущее и единое — одно и то же, то сказать «сущее есть единое» значит либо сказать тавтологию («сущее есть сущее»), либо приписать сущему нечто отличное от него («сущее есть единое», где «единое» — иное, чем «сущее»). В первом случае мы не говорим ничего нового; во втором — мы делаем сущее многим (сущим и единым), что противоречит его единству. Платон разрешает эту апорию через диалектику «наивысших родов» (μέγιστα γένη): сущее, тождество, различие, покой и движение — пять родов, каждый из которых и тождествен себе, и отличен от других, и причастен бытию, но не тождествен ему по определению.

Аристотель наследует платоновскому различению тождества по определению и тождества по подлежащему, но придаёт ему более строгую логическую форму. Для него тождество сущего и единого — не диалектическое тождество родов, а *конвертируемость* (ἀντιστρέφειν): «сущее» и «единое» взаимозаменяемы в качестве предикатов, хотя и не синонимичны. Это означает, что всё, что может быть названо сущим, может быть названо и единым, и наоборот. Но *смысл* этих названий различен: «сущее» указывает на факт бытия, «единое» — на способ бытия, на неразделённость, целостность, определённую.

3.3. Александр о доказательстве тождества

Александр предлагает два варианта доказательства тождества сущего и единого.

Первый вариант. Если то, благодаря чему каждое есть то, что оно есть ($\tau\acute{o}\ \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota\ \acute{\epsilon}\kappa\acute{\alpha}\sigma\tau\omega$), есть единое, то сущность каждой вещи есть единое само по себе, и единое сказывается в определении сути ($\epsilon\acute{\iota}\nu\ \tau\tilde{\omega}\ \tau\acute{\iota}\ \epsilon\sigma\tau\iota$) сущности. Но точно так же и сущее сказывается в определении сути сущности, и притом не как привходящее, а как сама её действительность. Следовательно, сущность каждой вещи одинаково есть и сущее, и единое, и притом в первичном смысле. А если так, то сущее и единое тождественны — не по определению, но по тому, о чём они сказываются.

Второй вариант. Если сущность каждой вещи одинаково есть и единое и сущее, и ни одно из них не сказывается о ней как нечто иное само по себе ($\epsilon\tau\epsilon\rho\omega\nu\ \kappa\alpha\theta'\ \alpha\upsilon\tau\acute{o}$), то сущее и единое тождественны. Ибо как [нечто] есть сущее, так оно и единое: одно из них сразу означает то же, что и другое. Сущность есть «то, что есть сущее» ($\acute{o}\pi\lambda\epsilon\rho\ \acute{o}\nu$), и она же есть «то, что есть единое» ($\acute{o}\pi\lambda\epsilon\rho\ \acute{\epsilon}\nu$), но не как привходящее, а как сама её природа.

Оба доказательства опираются на одно и то же фундаментальное положение: сущность есть первичное сущее и первичное единое. Всё остальное — количества, качества, от-

ношения, движения — есть сущее и единое *через отношение к сущности* (διὰ τὴν πρὸς τὴν οὐσίαν σχέσιν). Поэтому сущее и единое тождественны именно *в сущности*, в первичном смысле, а в производных смыслах они «следуют друг за другом» постольку, поскольку всё производное следует за сущностью.

4. Виды сущего и единого: тождественное, подобное, равное

4.1. Принцип соответствия видов

Из тождества сущего и единого Аристотель выводит важное следствие: «Сколько видов единого, столько же и видов сущего» (ὅσους ὁσαυτέρ τοῦ ἐνὸς εἶδη, τοσαῦτα καὶ τοῦ ὄντος). Это не означает, что сущее и единое имеют *один и тот же* набор видов в смысле синонимии; это означает, что *каждому виду единого соответствует вид сущего*, и наоборот. Если единое есть, например, тождественное, то тождественное есть и вид сущего; если единое есть подобное, то подобное есть и вид сущего.

Александр в комментарии подчёркивает, что слово «вид» (εἶδος) здесь употреблено не в строгом техническом смысле (как вид, подчинённый роду), а в более широком смысле — как *разновидность, способ проявления*. Сущее и единое не являются родами в собственном смысле, потому что они не сказываются синонимически обо всех своих «видах»: определения сущего и единого для сущности, качества, количества и т. д. различны. Однако они *подобны* родам (ἔχειν τινὰ πρὸς γένος ὁμοιότητα), поскольку имеют пер-

вое и последующее (τὸ πρῶτον καὶ τὸ ὕστερον) и сохраняют определённый порядок.

Это различие между строгим родом и «подобным роду» имеет принципиальное значение для всей аристотелевской онтологии. Если бы сущее было строгим родом, то все его виды были бы равноправны и одинаково причастны бытию. Но это не так: сущность есть сущее *в первичном смысле*, а качество, количество и т. д. — *в производном*. Поэтому сущее не есть род, но *система* значений, упорядоченная по отношению к первому.

4.2. Три основных вида единого

Аристотель перечисляет три основных вида единого, которым соответствуют три основных вида сущего:

1. **Тождественное** (ταὐτόν) — единство по сущности (ἐνότης κατ' οὐσίαν). Тождественное есть то, что едино в своём бытии: Сократ тождествен себе, поскольку его сущность едина.

2. **Подобное** (ὅμοιον) — единство по качеству (ἐνότης ἐν ποιότητι). Подобное есть то, что едино в своём качестве: две вещи подобны, если их качества одинаковы.

3. **Равное** (ἴσον) — единство по количеству (ἐνότης ἐν ποσῷ). Равное есть то, что едино в своём количестве: две величины равны, если их количества одинаковы.

Александр разъясняет это соответствие: «тождественное

есть единство по сущности, подобное — единство в качестве, равное — единство в количестве». Эти три вида единого соответствуют трём основным категориям — сущности, качеству и количеству, — и тем самым покрывают основные способы, которыми сущее может быть единым.

Важно, что этот перечень не является исчерпывающим. Аристотель говорит: «и прочее в этом роде» (καὶ τῶν ἄλλων τῶν τοιούτων), указывая на то, что видов единого может быть больше. В других местах (особенно в книге Δ, главе 10) он даёт более подробную классификацию значений единого: непрерывное, целое, единичное, общее по виду, общее по роду и т. д. Здесь же он ограничивается тремя основными, соответствующими трём основным категориям.

4.3. Противоположности видов единого

Каждому виду единого соответствует противоположный ему вид:

- тождественному противоположно **иное** (ἕτερον);
- подобному противоположно **неподобное** (ἀνόμοιον);
- равному противоположно **неравное** (ἄνισον).

Аристотель утверждает, что рассмотрение этих противоположностей принадлежит той же науке, что и рассмотрение самих видов единого. Основание этого — общий принцип: **познание противоположностей едино** (μία τῶν ἐναντίων ἐστὶν ἐπιστήμη). Одна и та же наука знает здоро-

вье и болезнь, чётное и нечётное, прямое и кривое. Поэтому наука о едином знает и многое, наука о тождественном — иное, наука о подобном — неподобное, наука о равном — неравное.

Александр подчёркивает, что противоположности видов единого подводятся под **множество** (πλῆθος) как под общее начало, подобно тому как сами виды единого подводятся под единое. Иное есть множество и [находится] во множестве; неподобное и неравное — также. Таким образом, единое и множество образуют наиболее общую пару противоположностей, под которую подводятся все остальные.

5. Сведение противоположностей к единому и множеству

5.1. Учение о «Выборке противоположностей»

Аристотель упоминает, что «почти все противоположности сводятся к этому началу» (σχεδὸν δὲ πάντα ἀνάγει τὰναντία εἰς τὴν ἀρχὴν ταύτην) — к единому и множеству. Это сведение было, по его словам, произведено в «Выборке противоположностей» (ἐν τῇ ἐκλογῇ τῶν ἐναντίων).

Александр поясняет, что «Выборка противоположностей» — это отдельное сочинение Аристотеля, не дошедшее до нас, в котором он систематизировал все противоположности и показал, что они сводятся к единому и множеству как к началу. Александр также упоминает, что Аристотель говорил об этой выборке во второй книге «О благе» (ἐν τῷ δευτέρῳ περὶ τἀγαθοῦ) — сочинении, также утраченном, в котором Аристотель, по-видимому, излагал и критиковал учение Платона о благе и о едином как начале всего.

Это упоминание важно для понимания генезиса аристотелевской онтологии. Учение о сведении противоположностей к единому и множеству имеет явные пифагорейские и платоновские корни. Уже пифагорейцы составляли таблицы

противоположностей: предел — беспредельное, нечётное — чётное, единое — многое, правое — левое, мужское — женское, покоящееся — движущееся, прямое — кривое, свет — тьма, благое — злое, квадратное — продолговатое (ср. «Метафизика» А 5, 986a22–26). Аристотель, по-видимому, в «Выборке противоположностей» систематизировал и расширил эти таблицы, сведя все противоположности к наиболее общей паре — единому и множеству.

5.2. Логика сведения

Каким образом все противоположности сводятся к единому и множеству? Александр предлагает следующую реконструкцию.

Противоположности не все сводятся непосредственно к единому и множеству. Некоторые из них сводятся к тождественному и иному, подобному и неподобному, равному и неравному, а уже эти — к единому и множеству. Например:

- белое и чёрное, сладкое и горькое — противоположности по качеству; они подводятся под подобное и неподобное;
- двойное и половинное — противоположности по количеству; они подводятся под равное и неравное;
- сущность и лишённость сущности — противоположности по сущности; они подводятся под тождественное и иное.

В свою очередь, тождественное и иное, подобное и неподобное, равное и неравное сводятся к единому и множеству:

тождественное есть единство по сущности, иное — множество по сущности; подобное есть единство по качеству, неподобное — множество по качеству; равное есть единство по количеству, неравное — множество по количеству.

Таким образом, единое и множество оказываются *наиболее общими* противоположностями, «началами» (ἀρχαί) всех противоположностей. Но это не означает, что единое и множество суть *начала* в том же смысле, в каком, например, платоники считали единое и неопределённую двоицу началами всего сущего. Аристотель осторожен: он говорит, что противоположности *сводятся* (ἀναγύεται) к единому и множеству, но не что единое и множество *порождают* их или *являются их субстанциальными началами*. Сведение — это логическая операция, устанавливающая порядок понятий, а не онтологическая операция, устанавливающая причинную зависимость.

5.3. Понятие противоположности

Сведение противоположностей к единому и множеству предполагает определённое понимание того, что такое противоположность вообще. Аристотель касается этого вопроса в главе 2, хотя подробное рассмотрение противоположности и её видов будет дано в книге Δ (глава 10) и в «Категориях» (глава 10).

Александр разъясняет, что противоположности сказыва-

ются многообразно: как лишённость (στέρησις), как утверждение и отрицание (κατάφασις καὶ ἀπόφασις), как противоположности в собственном смысле (ἐναντία) и как соотносённое (τὰ πρὸς τι). Из них для сведения к единому и множеству особенно важны два — отрицание и лишённость.

Отрицание (ἀπόφασις) — это простое отсутствие: «не-единое» означает всё, что не есть единое, без дальнейших определений. Отрицание сказывается обо всём, кроме того, что оно отрицает: «не-человек» истинно обо всех вещах, кроме людей.

Лишённость (στέρησις) — это отсутствие в том, чему по природе свойственно присутствовать, тогда, когда этому свойственно присутствовать. Например, слепота есть лишённость зрения, но не у камня (которому зрение не свойственно по природе), а у животного (которому оно свойственно); и не у новорождённого щенка (которому ещё рано видеть), а у взрослого животного, которому надлежит видеть.

Множество, противоположное единому, есть, согласно Александру, скорее лишённость, чем простое отрицание. Ибо множество есть отсутствие единства в том, чему свойственно быть единым. Но это отсутствие не есть простое ничто: множество есть *определённое* отсутствие, имеющее свою структуру, свои виды (иное, неподобное, неравное).

6. Философское значение главы 2

6.1. Тождество и различие

Глава 2 вводит в онтологию фундаментальное различие между тождеством по определению и тождеством по подлежащему. Это различие имеет не только онтологическое, но и логико-семантическое значение. Оно позволяет говорить о тождестве там, где нет синонимии: сущее и единое не синонимы, но они тождественны по объёму и по субстрату. Это открывает путь для построения науки, которая исследует не одно понятие, а *систему* взаимосвязанных понятий, каждое из которых выражает свой аспект одного и того же предмета.

6.2. Архитектоника категорий

Глава 2 намечает архитектонику аристотелевской онтологии. Сущее и единое — наиболее общие определения всего, что есть. Они раскрываются в трёх основных видах — тождественном, подобном, равном, — соответствующих трём основным категориям — сущности, качеству, количеству. Каждый из этих видов имеет свою противоположность — иное, неподобное, неравное, — которые подводятся под

множество. Таким образом, сущее и единое, с одной стороны, и множество, с другой, образуют наиболее общую пару противоположностей, охватывающую всё, что может быть предметом мышления.

6.3. Единство науки о противоположностях

Глава 2 обосновывает один из ключевых методологических принципов первой философии: **познание противоположностей едино**. Этот принцип, восходящий к Платону, получает у Аристотеля строгое обоснование: противоположности определяются друг через друга, поэтому знание одной предполагает знание другой. Наука о едином есть тем самым наука о многом, наука о тождественном — наука об ином, наука о сущем — наука о не-сущем (поскольку не-сущее есть лишённость сущего).

6.4. Границы философии

Наконец, глава 2 устанавливает границы первой философии по отношению к другим дисциплинам. Философия не есть ни диалектика, ни софистика, хотя все три занимаются одним и тем же — сущим и его наиболее общими определениями. Философия отличается от диалектики способом (она доказывает, а не испытывает), а от софики — целью

(она стремится к истине, а не к видимости мудрости). Это различие имеет не только теоретическое, но и практическое, экзистенциальное измерение: философия есть *образ жизни* (βίος), направленный на познание истины, тогда как софистика есть лишь *видимость* такого образа жизни.

7. Заключение

Глава 2 книги Г «Метафизики» — один из важнейших текстов аристотелевской онтологии. В ней:

- доказывается тождество сущего и единого по субстрату при различии по определению;
- вводится учение о видах единого (тождественное, подобное, равное) и соответствующих им видах сущего;
- устанавливается принцип сведения всех противоположностей к единому и множеству;
- определяется место первой философии по отношению к диалектике и софистике.

Александр Афродисийский, комментируя эту главу, не только разъясняет её, но и показывает её связь с другими сочинениями Аристотеля — «Категориями», «Физикой», утраченными «Выборкой противоположностей» и «О благе». Его комментарий — образец систематической интерпретации, стремящейся представить аристотелевскую философию как целостную систему, в которой каждая часть занимает своё логическое место.

Что глава 2 даёт современному читателю

Самое удивительное в главе 2 — это то, как Аристотель умудряется удержать вместе две вещи, которые обычно разводят в разные стороны: *тождество* и *различие*. Сущее и единое — не синонимы. Сказать «это есть» и «это одно» — значит сказать не одно и то же, а два разных слова о двух разных аспектах. И тем не менее Аристотель утверждает: это одна и та же реальность, одна природа, увиденная с двух сторон. Всё, что есть, — едино; всё, что едино, — есть.

Современному читателю, привыкшему к строгим дихотомиям — либо тождество, либо различие, либо аналитическое, либо синтетическое, — такой ход может показаться двусмысленным, едва ли не софистическим. Но в этом и состоит глубина аристотелевского решения: он отказывается выбирать между тождеством и различием, потому что оба этих понятия, взятые по отдельности, искажают то, что он хочет сказать. Сущее и единое тождественны не по определению, а по субстрату; они различны не по реальности, а по смыслу. Это различие — не помеха для тождества, а его условие. Если бы сущее и единое значили одно и то же, утверждение «сущее едино» было бы пустой тавтологией, и онтология не имела бы никакого содержания.

Александр Афродисийский, комментируя это место, делает его ещё более радикальным. Он показывает, что тождество сущего и единого — не просто абстрактная логическая формула, а *структурный принцип всей онтологии*. Если сущее и единое следуют друг за другом, то всё, что присуще сущему как сущему — тождественное, подобное, равное, — присуще и единому как единому. А если так, то противоположности этих свойств — иное, неподобное, неравное — также входят в сферу первой философии. Знание сущего и единого оказывается знанием противоположностей, и наоборот.

Это имеет прямое отношение к современным спорам о природе философского знания. Что значит — знать *самое общее*? Не превращается ли при этом философия в пустую абстракцию, в разговор ни о чём? Аристотель отвечает: нет, потому что самое общее — не пустое. Сущее и единое — не пустые оболочки, которые можно надеть на любое содержание; они — *начала*, от которых зависит всё остальное. Знать их — значит знать не бессодержательную всеобщность, а *структуру*, которая пронизывает всё, что есть, и делает его познаваемым.

Когда современная философия спрашивает, возможно ли помыслить «бытие» без того, чтобы тут же не растворить его в «сущем»; когда она спрашивает, чем отличается онтология от логики, а логика от теории познания; когда она ищет способ говорить о целом, не теряя из виду различий, — она, ча-

сто не осознавая этого, повторяет ходы, впервые проделанные в этой главе. Аристотель не даёт готовых ответов на эти вопросы; он даёт нечто большее — образец того, как их вообще можно ставить, не впадая ни в пустую абстракцию, ни в безнадёжную разрозненность.

И в этом смысле глава 2 остаётся не историческим памятником, а работающим текстом. Её вопросы — это наши вопросы. Её затруднения — это наши затруднения. И её попытка удержать вместе тождество и различие — это задача, которую каждый серьёзный мыслитель должен решать заново.

Сущее и единое

Аристотель, 1003b19–1004a10

Περὶ ἑνὸς καὶ ὄντος ἡ αὐτὴ θεωρία. εἰ γὰρ τῷ ὄντι ταῦτόν ἐστι τὸ ἓν, ὅτι μὲν ὁ λόγος ἕτερος, σημαίνει δὲ ταῦτό, μικρὸν διαφέρει πρὸς τὸ ζητούμενον· μᾶλλον γὰρ ἐν τούτῳ γένοιτ' ἂν δῆλον, εἴπερ μία ἐπιστήμη ἐστὶν ἐκατέρου. ἔστι δὲ τὸ ἓν καὶ τὸ ὄν ταῦτόν καὶ μία φύσις τῷ ἀκολουθεῖν ἀλλήλοις ὥσπερ ἀρχὴ καὶ αἷτιον, ἀλλ' οὐχ ὥς ἑνὸς λόγῳ. λέγω δ' οἶον περὶ ταύτου καὶ ὁμοίου καὶ τῶν ἄλλων τῶν τοιούτων. σχεδὸν δὲ πάντα ἀνάγει τὰναντία εἰς τὴν ἀρχὴν ταύτην· καὶ τὰ μὲν τῷ ἐνὶ καὶ τῷ πλήθει, ὥσπερ καὶ ἐν τῇ ἐκλογῇ τῶν ἐναντίων εἴρηται.

Рассмотрение единого и сущего — одно и то же. Ведь если единое тождественно сущему, то, хотя понятие у них разное, а обозначают они одно и то же, это мало что меняет для искомого; скорее это стало бы ещё яснее, если бы существовала одна наука о том и другом. Единое и сущее суть одно и то же и одна природа, поскольку они следуют друг за другом подобно началу и причине, но не как выраженные одним определением. Я имею в виду, например, тождественное, подобное и прочее в этом роде. Почти все противоположности сводятся к этому началу: одни — к единому и множеству, как сказано и в «Выборке противоположностей».

Александр, Комментарий

ὅτι ταὐτὸν τό τε ὄν καὶ τὸ ἐν οὕτω δείκνυσιν. εἰ γὰρ καθὼς εἶναι ἐκάστω ἐστὶν ἓν, τοῦτό ἐστι καὶ τὸ συμβεβηκός· ὥστε ἐκάστου τῇ ἐκάστου οὐσίᾳ καὶ ἓν, καθ' αὐτὸ ἐν ἡ ἐκάστου οὐσία. διὸ καὶ ἐν τῷ τί ἐστι τῆς οὐσίας κατηγορεῖται. ὁμοίως δὲ τὸ ὄν τῇ ἐκάστου οὐσίᾳ οὐ συμβεβηκός ἀλλ' ἓν τι καὶ ὅπερ ἐν ὁμοίως ἡ ἐκάστου οὐσία. ἥ καὶ οὕτως ἂν δεινύοιτο ὅτι ταὐτὸν τό τε ἐν καὶ τὸ ὄν. ἢ οὕτως. εἰ ἡ ἐκάστου οὐσία ὁμοίως ἓν τέ ἐστι καὶ ὄν (οὐ γὰρ ἕτερον αὐτῶν καθ' αὐτὸ ἐκάστου κατηγορεῖται), ἥ ὁμοίως ἓν τε καὶ ὄν ἐστι, ταὐτόν ἐστι τό τε ὄν καὶ τὸ ἓν· ὥς γὰρ ὄν, καὶ ἓν, ἅμα γὰρ θάτερον τὸ ἕτερον σημαίνει τοιοῦτον εἶναι. ὥσπερ ἡ οὐσία ὅπερ ὄν ὁμοίως ὄν, οὕτω ὅπερ ἓν ἐστι, ἀλλ' οὐ συμβεβηκός· ὥστε τὰ μὲν ὥς ὄν λέγεται κυρίως καὶ πρῶτως, τὰ δὲ ὥς ἐν κυρίως οὐχὶ συμβεβηκός· κυρίως γὰρ ὄν καὶ ἐν ἡ οὐσία, τὸ δὲ συμβεβηκός ὄν καὶ ἐν διὰ τὴν πρὸς τὴν οὐσίαν σχέσιν, παρὰ τὰ κυρίως ὄντα. δείξας δὲ διὰ τούτων ὅτι ταὐτὸν τό τε ὄν καὶ τὸ ἓν, χάριν ἔδειξε τοῦτο, ἐπιφέρει λέγων "ὥστε ὅσαπερ τοῦ ἐνὸς εἶδη, τοσαῦτα καὶ τοῦ ὄντος."

Что сущее и единое тождественны, он показывает так. Если то, благодаря чему каждое есть то, что оно есть, есть единое, то это же есть и совпадение. Так что в сущности каждого заключено и единое, и сама сущность каждого есть единое само по себе. Поэтому [единое] и сказывается в определении сути сущности. Подобным же образом и сущее по отношению к сущности каждого не есть нечто привходящее, но есть нечто единое, и сущность каждого есть именно то,

что есть единое. Этим можно было бы показать, что единое и сущее тождественны. Или так: если сущность каждого одинаково есть и единое и сущее (ибо ни одно из них не сказывается о каждом как нечто иное само по себе), то, поскольку сущность одинаково есть и единое и сущее, сущее и единое тождественны. Ибо как [нечто] есть сущее, так оно и единое: ведь одно из них сразу означает то же, что и другое. Как сущность есть то, что есть сущее, будучи сущим, так она есть и то, что есть единое, — но не как привходящее. Поэтому одно сказывается как сущее в собственном и первичном смысле, другое — как единое в собственном смысле, но не как привходящее. Ибо в собственном смысле сущее и единое есть сущность; привходящее же есть сущее и единое благодаря отношению к сущности, наряду с сущими в собственном смысле. Показав же посредством этого, что сущее и единое тождественны, он ради дальнейшего показал это и присовокупляет, говоря: «Сколько видов единого, столько же и видов сущего».

Александр, Комментарий (продолжение)

εἰπὼν τῆς αὐτῆς ἐπιστήμης εἶναι τῷ γένει τὰ τοῦ ὄντος θεωρῆσαι (καὶ γὰρ τὰ τοῦ ὄντος εἶδη τίνα τέ ἐστι καὶ πόσα θεωροῦσαι αἱ αὐταὶ τῷ γένει, δείξας ὅτι ταὐτόν ἐστι καθ' ἓν ὑποκείμενον τό τε ὄν καὶ τὸ ἓν, οὕτως ἐπήνεγκε "ὅσα τοῦ ἑνὸς εἶδη τοσαῦτα καὶ τοῦ ὄντος εἶναι," περὶ ὧν δὴ τί ἐστιν ἕκαστον αὐτῶν καθ' ὃ γένος τῆς αὐτῆς ἐπιστήμης θεωρῆσαι· καὶ γὰρ αἱ αὐταὶ ἀλλήλαις αἱ τὸ τί ἐστιν ἕκαστον τούτων

θεωροῦσαι. ἡ φιλοσοφία μία τῷ γένει ἐπιστήμη ἔκειτο εἶναι, ἥτις ὥσπερ περὶ τὸ ὄν ἢ ὄν καὶ τὰ τούτου, ὡς εἶπεν, οὕτως δὲ καὶ περὶ τὸ ἐν καὶ τὰ εἶδη αὐτοῦ πραγματεύεται, ἐπεὶ ταῦτα τό τε ὄν καὶ τὸ ἐν. τούτου δὲ εἶδη λέγει τοῦ τε ὄντος καὶ τοῦ ἐνός, ὅτι οὔτε γένος οὔτε τὰ ὑπ' αὐτὸ ὄντα ἐν τοῖς πολλαχῶς λεγομένοις τὸ κοινὸν κατ' αὐτῶν ὑπὸ γένος, τοιαῦτα δὲ τὸ ὄν καὶ ἐν· οἷον γάρ πως γένος ἐστὶ τὸ κατηγορούμενον τῶν ἐν οἷς ἐστὶ τὸ πρῶτον καὶ τὸ ὕστερον, σῶζον μὲν τινα πρὸς γένος ὁμοιότητα, οὐ μὴν ὄν κυρίως γένος.

Сказав, что рассмотрение видов сущего принадлежит одной и той же по роду науке (ибо науки, рассматривающие, каковы виды сущего и сколько их, — одни и те же по роду), и показав, что сущее и единое тождественны по одному субстрату, он так присовокупил: «Сколько видов единого, столько же и видов сущего», — о которых следует рассмотреть, что такое каждый из них, в том роде, который принадлежит той же науке. Ибо науки, рассматривающие суть каждого из них, — одни и те же. Философия была установлена как единая по роду наука, которая, как он сказал, занимается сущим как сущим и его [свойствами], а также единым и его видами, поскольку сущее и единое тождественны. Видами же сущего и единого он называет их не потому, что они суть род или что подводимое под них в [вещах], сказываемых многообразно, имеет нечто общее под единым родом — таковы сущее и единое. Ибо то, что сказывается о [вещах], среди которых есть первое и последующее, есть в некотором

смысле род, сохраняя некоторое сходство с родом, но не будучи родом в собственном смысле.

Александр, Комментарий (продолжение)

τίνα δὲ εἶδη τοῦ ἐνός ἐστι, τίθεται ἐφεξῆς, ἃ δῆλον ὅτι καὶ τοῦ ὄντος ἢ ὃν λέγει. "Λέγω δὲ οἷον περὶ ταύτου καὶ ὁμοίου καὶ τῶν ἄλλων τῶν τοιούτων." Ἐν γὰρ καὶ τὸ ταῦτόν καθὸ ταῦτόν, ἐνότης γὰρ κατ' οὐσίαν τὸ ταῦτόν· καὶ τὸ ὅμοιον καθὸ ὅμοιον, ἐνότης γὰρ ἐν ποιότητι· ὁμοίως καὶ τὸ ἴσον, ἐνότης γὰρ καὶ τοῦτο ἐν ποσῷ. διὰ τούτων δείκνυσιν ὅτι τοῦ φιλοσόφου ἰδιὸν ἐστι τοῦ τῆς οὐσίας θεωρητικοῦ καὶ ἐστὶν ἕκαστον τούτων θεωρῆσαι, ὃ καὶ αὐτὸ ἐζητεῖτό τε καὶ ἠπορεῖτο ἐν τῷ πρὸ τούτου.

Каковы же виды единого, он излагает далее, и ясно, что он называет их также видами сущего как сущего. «Я говорю, например, о тождественном, подобном и прочих в этом роде». Ибо и тождественное, поскольку оно тождественно, есть единое: тождественное есть единство по сущности. И подобное, поскольку оно подобно, есть единое: единство в качестве. Так же и равное: и оно есть единство в количестве. Посредством этого он показывает, что философу как созерцателю сущности свойственно рассматривать каждую из этих вещей, что и само исследовалось и вызывало затруднение в предыдущей книге.

Александр, Комментарий (продолжение)

δείξας δὲ ὅτι τοῦ φιλοσόφου τὸ περὶ τῶν τοῦ ὄντος εἰδῶν θεωρῆσαι, ὁμοίως δὲ καὶ περὶ τοῦ ἐνός καὶ τῶν εἰδῶν τῶν

τούτου, ἔτι τε τῶν προειρημένων τοῦ τε ταύτου καὶ τοῦ ὁμοίου καὶ τοῦ ἴσου καὶ ὅσα τοιαῦτα ὡς ὑπὸ γένος τι τὸ ἔν ἐστι, λέγει καὶ ὅτι καὶ περὶ τῶν τούτοις ἀντικειμένων ὁμοίως διαλαβεῖν τὸν φιλόσοφον. ἀντίκειται δὲ τῷ μὲν ταύτῳ τὸ ἕτερον, τῷ δὲ ὁμοίῳ τὸ ἀνόμοιον, τῷ δὲ ἴσῳ τὸ ἄνισον. ὅτι δ' ἔστιν ἀνωτέρω τὸ ἔν τοῦ τε ταύτου καὶ ὁμοίου καὶ τοῦ ἴσου καὶ τῶν τοιούτων, δηλοῖ δι' ὧν λέγει "σχεδὸν δὲ πάντα ἀνάγει τὰναντία εἰς τὴν ἀρχὴν ταύτην." λέγει δὲ ἀρχὴν τὴν ἐναντίωσιν τό τε ἔν καὶ τὸ τῷ ἐνὶ ἀντικείμενον, τοῦτο δὲ ἐστι τὰ πολλά· τὸ μὲν γὰρ ταῦτόν ἐν τι, τὸ δὲ ἕτερον πληθὸς τε καὶ ἐν πλήθει. ὁμοίως δὲ καὶ τὸ μὲν ὁμοιον καὶ τὸ ἴσον ὑπὸ τὸ ἔν, τὸ δὲ ἀνόμοιον καὶ τὸ ἄνισον ὑπὸ τὸ πληθος. ἀναπέμπει δὲ ἡμᾶς περὶ τοῦ γνῶναι ὅτι σχεδὸν πάντα τὰ ἐναντία ὡς εἰς ἀρχὴν ἀνάγεται τό τε ἔν καὶ τὸ πληθος εἰς τὴν Ἐκλογὴν τῶν ἐναντίων, ὡς ἰδίᾳ περὶ τούτων πραγματευσάμενος. εἴρηκε δὲ περὶ τῆς τοιαύτης ἐκλογῆς καὶ ἐν τῷ δευτέρῳ περὶ τὰγαθοῦ.

Показав, что философу принадлежит рассмотрение видов сущего, а равно и рассмотрение единого и его видов, а также и рассмотрение вышеназванных [вещей]: тождественного, подобного, равного и всего, что таково как подводимое под некий род, а именно под единое, — он говорит, что философ должен также рассмотреть и противоположное им. Противоположно же тождественному — иное, подобному — неподобное, равному — неравное. А что единое выше тождественного, подобного, равного и прочих такого рода, он

показывает тем, что говорит: «Почти все противоположности сводятся к этому началу». Началом же он называет противоположность — единое и противоположное единому, а это есть множество. Ибо тождественное есть некое единое, а иное есть множество и [находится] во множестве. Подобным же образом подобное и равное подводятся под единое, а неподобное и неравное — под множество. Отсылает же он нас для познания того, что почти все противоположности сводятся как к началу к единому и множеству, к «Выборке противоположностей», как к [сочинению], в котором он особо рассматривал это. Говорил же он о такой выборке и во второй книге «О благе».

Аристотель, 1004a10–1004b5

ὥστε ὁσαπερ τοῦ ἐνὸς εἶδη, τοσαῦτα καὶ τοῦ ὄντος· περὶ ὧν τὸ τί ἐστι τῆς αὐτῆς ἐστι θεωρῆσαι τῷ γένει, οἷον ταῦτόν, ὁμοιον, ἴσον, καὶ περὶ τῶν τούτοις ἐναντίων· ἕτερον, ἀνόμοιον, ἄνισον. περὶ πάντων γὰρ τούτων ἡ αὐτὴ ἐπιστήμη θεωρεῖ. σημεῖον δὲ ὅτι καὶ οἱ διαλεκτικοὶ καὶ οἱ σοφισταὶ τὸν αὐτὸν ὑποδύονται σχῆμα τῷ φιλοσόφῳ· ἡ μὲν γὰρ σοφιστικὴ φαινομένη σοφία, οἱ δὲ διαλεκτικοὶ περὶ πάντων διαλέγονται, κοινὸν δὲ πᾶσι τὸ ὄν. δῆλον δὲ ὅτι περὶ ταῦτα διαλέγονται· ταῦτα γὰρ ἴδια τοῦ ὄντος. ἐπεὶ οὖν περὶ ταῦτόν γένος ἡ σοφιστικὴ καὶ ἡ διαλεκτικὴ τῇ φιλοσοφίᾳ, ἀλλὰ διαφέρει τῆς μὲν τῷ τρόπῳ τῆς δυνάμεως, τῆς δὲ τῷ βίῳ τῇ προαιρέσει, ἔστι δὲ ἡ διαλεκτικὴ πειραστικὴ περὶ ὧν ἡ φιλοσοφία γνωριστικὴ, ἡ δὲ σοφιστικὴ φαινομένη, οὕσα δ'

оў.

Следовательно, сколько видов единого, столько же и видов сущего. И относительно них рассмотрение сути принадлежит одной и той же по роду науке, например: тождественное, подобное, равное — и противоположное им: иное, неподобное, неравное. Ибо обо всём этом ведёт рассмотрение одна и та же наука. Признак же этого — что и диалектики, и софисты принимают тот же облик, что и философ. Ведь софистика есть кажущаяся мудрость, диалектики же рассуждают обо всём, а общее для всего — сущее. Ясно, что они рассуждают об этом, ибо это — собственные [свойства] сущего. Итак, поскольку софистика и диалектика имеют дело с тем же родом, что и философия, но философия отличается от диалектики способом [своей] силы, а от софистики — [избираемым] образом жизни и намерением; диалектика же есть испытующая [способность] относительно того, о чём философия даёт познание, а софистика — [мудрость] кажущаяся, но не сущая.

Александр, Комментарий

"καὶ --- οὐσίαι." ἐπεὶ τοῦ ὄντος τὸ μὲν ἦν κυρίως καὶ καθ' αὐτὸ ὄν, τὸ δὲ κατὰ συμβεβηκός, κυρίως μὲν καὶ καθ' αὐτὸ ἡ οὐσία, κατὰ συμβεβηκός δὲ τὰ τε τῇ οὐσίᾳ ὑπάρχοντα καὶ τὰ ὅλως ἐπὶ ταύτην ἔχοντα τὴν ἀναφοράν, πανταχοῦ δὲ ὡς ἔφαμεν, οἷς ἡ τάξις αὕτη, ἡ περὶ αὐτὰ ἐπιστήμη κυρίως τοῦ πρώτου, ἐξ οὗ τὰ ἄλλα ἡρτῆται καὶ δι' ὃ καὶ τὰ ἄλλα ὄντα λέγεται, ἡ δὲ φιλοσοφία ἐπιστήμη περὶ οὐσίας (αὕτη

γὰρ ἦν κυρίως ὄν)· καὶ ἐπεὶ πλείους αἱ οὐσίαι, ἔσται καὶ τῆς ἐπιστήμης τῆς περὶ τὴν οὐσίαν (αὕτη δὲ ἦν ἡ φιλοσοφία), μιᾶς οὔσης τῷ γένει, τοσαῦτα μέρη τε καὶ εἶδη ὅσαι αἱ οὐσίαι. καὶ ὥς τῶν οὐσιῶν αἱ μὲν πρῶται αἱ δὲ δευτέραι, οὕτως ἡ φιλοσοφία ἡ μὲν τις ἔσται πρώτη ἡ δὲ τις δευτέρα καὶ ἐπ' ἐκείνην, ὥς ἡ μία ἡ ἐν αὐταῖς.

«И ... сущности». Поскольку из сущего одно есть сущее в собственном смысле и само по себе, а другое — по совпадению; в собственном смысле и само по себе сущее есть сущность, по совпадению же — то, что присуще сущности, и вообще всё, что имеет к ней отношение. И повсюду, как мы сказали, там, где есть такой порядок, наука об этих [вещах] есть в собственном смысле наука о первом, от которого зависят остальные и благодаря которому остальное называется сущим. Философия же есть наука о сущности (ибо она и была сущим в собственном смысле). А поскольку сущностей много, то и наука о сущности (а это и есть философия), будучи единой по роду, будет иметь столько же частей и видов, сколько есть сущностей. И как среди сущностей одни первые, а другие вторые, так и философия: одна будет первой, а другая — второй и [направленной] на ту [сущность], как единая [наука] среди них.

Александр, Комментарий (продолжение)

καὶ οὕτω ἂν ἀκόλουθος ἡ λέξις εἴη τῇ τοῦ εἰρημένου ἢ εἰ ὄντος τοῦτ' ἐστὶν ἡ οὐσία, τῶν οὐσιῶν ἂν δέοι τὰς ἀρχὰς καὶ τὰς αἰτίας ἔχειν τὸν φιλόσοφον. ταύτη ἀκολουθεῖ

τὸ "τοσαῦτα μέρη φιλοσοφίας ὅσαιπερ αἱ οὐσίαι." διὸ δὴ ἂν σαφῇ τὰ λεγόμενα εἴη, εἰ δὴ τὸ ὄν καὶ τὸ ἔν ταυτόν, συνάπτοντα τῇ ὅτι καὶ τοῦ ὄντος τὰ εἶδη θεωρῆσαι μιᾷ ἐστὶν ἐπιστήμης τῷ γένει, τὰ δὲ εἶδη τῶν εἰδῶν ἀκόλουθον τούτῳ καὶ ἡ τοσαῦτα μέρη φιλοσοφίας ἐστὶν ὅσαιπερ αἱ οὐσίαι. ἦν δὲ ἐν τοῖς ἡπορημένοις καὶ τοῦτο, ὥς προεῖπον ἤδη, πότερον μία περὶ πάσας οὐσίας εἴη ἢ πλείονές εἰσι, κἂν εἰ πλείονες, πότερον συγγενεῖς. δέδεικται γὰρ ὅτι πλείονες, ἀλλ' ὥς ὑπὸ μίαν πᾶσαι τῷ γένει τὴν φιλοσοφίαν. ἡ δὲ ὑπάρχει εὐθύς γένη ἔχοντα τὸ ὄν καὶ τὸ ἔν· ἴσον ἐστὶ τῷ φαίνεσθαι τοῦ ἐνὸς τοῦ ὄντος γένη τινά, τουτέστι γένων τινῶν τό τε ὄν καὶ τὸ ἔν κατηγορεῖσθαι. τὸ δὲ κυρίως ὄν λαμβάνει, ὁμοίως καὶ ἔν· τοῦτο δὲ ἐστὶν οὐσία. εἶναι οὖν φησι ταῖς οὐσίαις γένη τινὰ καὶ διαφοράς, αἷς οὐσίαις, γένεσιν οὖσαις, ἃς ἄλλου γένους τινὸς εἶδεσιν, ἐκάστη ὑπάρχειν καθ' αὐτὸ καὶ τὸ ὄν καὶ τὸ ἔν· καθ' αὐτὸ γὰρ οὔτε τὸ ὄν οὔτε τὸ ἔν ὑπάρχει, ταῖς δὲ οὐσίαις· ὥστε εἰ ὁ φιλόσοφος περὶ τὸ κυρίως ὄν καὶ κυρίως ἔν πραγματεύεται, πλείω δὲ ἐστὶ τὰ οἷς τὸ κυρίως ἔν τε καὶ ὄν ὑπάρχει, διαφέροντα τῷ γένει, πλείω ἂν καὶ μέρη ἔσται φιλοσοφίας· καὶ τὰς τῶν οὐσιῶν διαφοράς διάφορός τις ἔσται καὶ φιλοσοφία τῷ ἐκάστην αὐτῶν περὶ τι ἔν γένος ἀφωρισμένον πραγματεύεσθαι. λέγεται δὲ γένη ἔχοντα· εἰ δὲ τοῦτο, οὐκ ἂν εἴη μιᾷ λέγων τὴν οὐσίαν, ἀλλὰ καὶ αὐτὴν ἔχειν τὸ πρότερον καὶ ὕστερον. ἡ γένη ἀντὶ τοῦ διαφερούσας διαφοράς. εἰσὶ γὰρ τῶν οὐσιῶν διαφοραί. ἐπεὶ δὲ ἔσται ἢ μὲν

τις πρώτη φιλοσοφία ἢ δὲ δευτέρα, καθάπερ τῶν οὐσιῶν αἱ μὲν πρότεραι αἱ δὲ ὕστεραι ἀλλήλαις, καὶ οὕτω ταπτόμεναι.

И таким образом это изложение согласуется со сказанным: если сущее как сущее есть сущность, то философу надлежит обладать началами и причинами сущностей. Этому соответствует [утверждение]: «Столько же частей философии, сколько и сущностей». Поэтому сказанное было бы ясно, если [принять, что] сущее и единое тождественны, и [это] согласуется с тем, что рассмотрение видов сущего принадлежит одной по роду науке, а виды видов следуют из этого, и [также с тем], что частей философии столько же, сколько сущностей. Это было и в числе затруднений, как я уже сказал ранее: одна ли наука обо всех сущностях или их несколько, и если несколько, то родственны ли они. Доказано ведь, что их несколько, но все они подводятся под одну по роду философию. А что сущее и единое непосредственно имеют роды — это равнозначно тому, что сущее и единое, как оказывается, суть некоторые роды, то есть сказываются о некоторых родах. Сущее же в собственном смысле он принимает, и равным образом единое; это есть сущность. Итак, он говорит, что у сущностей есть некоторые роды и различия, и этим сущностям, которые сами суть роды и виды некоего другого рода, каждой самой по себе присущи и сущее, и единое. Ибо сущее и единое присущи не сами по себе, но сущностям. Так что если философ занимается сущим в собственном смысле и единым в собственном смысле, а [вещей], которым сущее и

единое присущи в собственном смысле, много, и они различаются по роду, то и частей философии будет много. И различиям сущностей будет соответствовать некоторое различие в философии, поскольку каждая из них занимается некоторым отдельным родом. Он говорит, что [сущности] имеют роды; а если так, то он не говорит, что сущность одна, но что и сама она имеет первое и последующее. Или [он говорит] «роды» вместо «различающиеся различия». Ибо существуют различия сущностей. А поскольку одна философия будет первой, а другая второй, подобно тому как среди сущностей одни первее, а другие последующие по отношению друг к другу, — так они и упорядочиваются.

Александр, Комментарий (продолжение)

οὕτως φησὶν εἶναι ὥς καὶ ἐν τοῖς μαθήμασιν. ὥς γὰρ μιᾶς οὕσης τῷ γένει τῆς μαθηματικῆς, τὰς διαφορὰς καὶ τάξεις τῶν περὶ ἃ ἐστὶν ἡ μαθηματικὴ, τάξις τίς ἐστὶ καὶ διαφορὰ τῶν τῆς μαθηματικῆς μερῶν (τῷ εἶναι τὰ μὲν τινα πρῶτα ἐν τοῖς μαθήμασι τὰ δὲ δεύτερα τῆς μαθηματικῆς ἢ μὲν τίς ἐστὶ πρώτη ἢ δὲ δευτέρα ἢ δὲ τρίτη, πρώτη μὲν, ἂν οὕτω τύχη, ἢ περὶ τὰ ἐπίπεδα καταγινομένη, μετὰ ταῦτα ἢ περὶ τὰ στερεά, εἴτα ἢ τε ἀστρολογικὴ, ὅσα ἢ εἰς τὰ οὐράνια κείμενα, καὶ μετὰ ταῦτα ἢ μηχανικὴ, ἥδη περὶ γιγνόμενά τε καὶ φθειρόμενα πραγματευομένη), οὕτω καὶ περὶ τῶν οὐσιῶν πρῶται αἱ ἀγέννητοί τε καὶ ἄφθαρτοι, ἀσώματοί τε καὶ ἀκίνητοι, περὶ ἃς ἂν εἴη ἡ πρώτη φιλοσοφία· ἢ δὲ περὶ τὰς αἰδιῶς ἐν κινήσει οὔσας δευτέρα, τρίτη δὲ ἢ περὶ τὰς

οὐσίαις τὰς ἐν γενέσει καὶ φθορᾷ, ἐπειδὴ γὰρ τῶν οὐσιῶν τελευταῖαι.

Он говорит, что дело обстоит так же, как и в математических науках. Ибо как математика, будучи единой по роду, [содержит] различия и порядки тех [предметов], которыми она занимается, и существует порядок и различие частей математики (поскольку одни [предметы] в математике первичны, а другие вторичны, то и математика одна — первая, другая — вторая, третья: первой, если так случится, будет та, что занимается плоскостями, после неё — та, что занимается телами, затем астрономия и всё, что относится к небесным [телам], а после неё — механика, которая занимается уже возникающим и уничтожающимся), так и относительно сущностей: первичны те, что нерождённые и нетленны, бестелесны и неподвижны, — о них и будет первая философия; [философия] же о вечно движущихся [сущностях] — вторая; третья — о сущностях, находящихся в возникновении и уничтожении, поскольку они последние среди сущностей.

Александр, Комментарий (продолжение)

"ἐπεὶ --- τάδε." εἴη ἂν αὕτη ἡ λέξις πᾶσα συνάπτουσα τῇ τεθεωρημένῃ, καὶ τοῦτο δὲ ἐν τῇ Ἐκλογῇ τῶν ἐναντίων. δείξας τῆς περὶ τὸ ὄν ἢ ὄν ἐπιστήμης καὶ τὸ περὶ τῶν ὑπὸ τὸ ἔν διαλαμβάνειν, νῦν δείκνυσιν ὅτι καὶ περὶ τῶν ὑπὸ τὰ πολλά. εἰπὼν ἀνάγεσθαι πάσας τὰς ἐναντιώσεις ὡς ἐπὶ ἀρχὴν τὸ ἔν καὶ τὸ τούτῳ ἀντικείμενον, ὅφ' ἃ ἡ ἑτέρα τῶν ἐναντίων ὑπάγεται συστοιχία, λέγει καὶ δείκνυσιν ὅτι ἅμα

τοῦ λέγοντος περὶ τοῦ ἑνὸς τὸ αὐτὸ τούτου ἐστὶ τὸ λέγειν καὶ περὶ τοῦ τῷ ἐνὶ ἀντικειμένου· μιᾶς γὰρ ἐπιστήμης ἢ περὶ τῶν ἀντικειμένων θεωρία. εἰ δὲ περὶ τούτων μιᾶς, πάντα δὲ τὰ ἐναντία ὑπὸ ταῦτα, περὶ πάντων τῶν ἐναντίων μιᾶς εἶναι τὸ θεωρεῖν, ἐπειδὴ ἥς περὶ τοῦ καθόλου, ταύτης περὶ τῶν ὑπ' αὐτό· αὕτη δὲ ἐστὶν ἢ περὶ τοῦ ὄντος ἢ ὄν. ἥς γὰρ περὶ τοῦ ὄντος, ταύτης καὶ τοῦ ἑνός· ἥς δὲ τοῦ ἑνός, ταύτης καὶ περὶ τοῦ τούτῳ ἀντικειμένου· ἥς δὲ περὶ τούτων, ταύτης καὶ τῶν ὑπὸ ταῦτα. πάντα δὲ τὰ ἐναντία ὑπὸ ταῦτα.

«Поскольку ... это». Всё это изложение согласуется с уже рассмотренным, и об этом [сказано] в «Выборке противоположностей». Показав, что науке о сущем как сущем принадлежит также разграничение [вещей], подводимых под единое, теперь он показывает, что [ей принадлежит] и [разграничение того], что подводится под многое. Сказав, что все противоположности сводятся как к началу к единому и к противоположному ему, под которые подводится один из рядов противоположностей, он говорит и показывает, что тому, кто рассуждает о едином, тому же самому принадлежит рассуждать и о противоположном единому. Ибо рассмотрение противоположностей принадлежит одной науке. А если [рассмотрение] их принадлежит одной [науке], и все противоположности подводятся под них, то рассмотрение всех противоположностей принадлежит одной [науке], поскольку [наука], занимающаяся общим, [занимается] и тем, что под него подводится. А это и есть [наука] о сущем как сущем.

Ибо [наука], занимающаяся сущим, [занимается] и единым; а [занимающаяся] единым — и противоположным ему; а [занимающаяся] этим — и тем, что под них подводится. Все же противоположности подводятся под них.

Александр, Комментарий (продолжение)

"ἀπόφασιν --- θεωρῆσαι" εἰπὼν ἀντικειῖσθαι τῷ ἐνὶ τὸ πλῆθος, μᾶς δὲ τῶν ἀντικειμένων, ἐπεὶ τὰ ἀντικείμενα πλεοναχῶς λέγεται, ὡς στέρησις καὶ ὡς κατάφασις ἢ ἀπόφασις καὶ ὡς τὰ ἐναντία καὶ τὰ πρὸς τι), ἐπεὶ τὰ πολλὰ στέρησις εἶναι δοκεῖ, ἔστι δὲ καὶ ἀποφάσει πως ἢ στέρησις ἐοικυῖα, διαφορὰν ἔχουσα ἣν ἐρεῖ, δείκνυσι καθ' ὅτι τῆς αὐτῆς ἐστὶ περὶ τε τοῦ ἐνὸς καὶ τῶν πολλῶν θεωρεῖν. τῆς γὰρ αὐτῆς ἐστὶ τό τε στέρησιν τινος εἰδέναι καὶ οὗ ἢ στέρησις, καὶ τὴν ἀπόφασιν τε καὶ οὗ ἢ ἀπόφασις. διὰ γὰρ τούτων ἀμφοτέρων, τοῦτ' ἐστὶ διὰ τῆς ἀποφάσεως καὶ διὰ τῆς στερήσεως, ἐκείνου γίγνεται τὴν θεωρίαν οὗ ἐστὶν ἢ ἀπόφασις καὶ ἢ στέρησις. διὰ τοῦτο τῆς αὐτῆς φύσεως ἐστὶν ἢ ἀμφοτέρων γνῶσις. οὐτε γὰρ τὴν στέρησιν οἶόν τε εἰδέναι ἀγνοοῦντα οὗ ἢ στέρησις, οὐτε τὴν ἀπόφασιν. ἄρνησις γὰρ τις καὶ στέρησις ἀπουσία ἐστὶ ἐκείνου οὗ τόδε τι θεωρῆσαι, ταύτης καὶ τὴν ἀπουσίαν τὴν ἐκείνου. εἰπὼν δὲ κοινῶς ἀπόφασιν καὶ στέρησιν μᾶς εἶναι θεωρῆσαι, καὶ δι' ἃ προεῖπεν, τῷ ἐνὶ ἢ τοῖς πολλοῖς προσάγει τὸν λόγον περὶ ὧν αὐτῷ πρόκειται λέγειν. ἀμφοτέρως γὰρ φησὶ τοῦ τὸ ἐν θεωροῦντος, τοῦ αὐτοῦ καὶ τὰ πολλὰ θεωρῆσαι, εἴτε τὰ πολλὰ ὡς ἀπόφασιν τις λέγοι τῷ ἐνὶ ἀντικειῖσθαι

σημαινόμενα ὑπὸ τοῦ οὐχὶ ἔν, εἴτε ὥς στέρησιν· καὶ γὰρ ἐν τῷ οὐχὶ ἐνὶ περιέχεται ἔν, ὅπερ ἡ ἀπόφασις, ἐν δὲ τῇ στερήσει ἔχει ἐν αὐτῇ τὸ οὐ ἢ στέρησις.

«Отрицание ... рассматривать». Сказав, что множество противоположно единому и что [рассмотрение] противоположностей принадлежит одной [науке] — поскольку противоположности сказываются многообразно: как лишённость, как утверждение или отрицание, как противоположности и как соотнесённое, — и поскольку множество представляется лишённостью, а лишённость в некотором смысле подобна отрицанию, имея отличие, о котором он скажет, — он показывает, в каком смысле рассмотрение и единого, и множества принадлежит одной [науке]. Ибо одной [науке] принадлежит знание и лишённости чего-то, и того, лишённостью чего она является; и знание, и отрицания, и того, отрицанием чего оно является. Ибо через оба эти [способа], то есть через отрицание и через лишённость, достигается рассмотрение того, чего касаются отрицание и лишённость. Поэтому знание того и другого принадлежит одной природе: ведь невозможно знать лишённость, не зная того, лишённостью чего она является, и невозможно знать отрицание, не зная того, отрицанием чего оно является. Ибо отрицание есть некоторое отрицание, а лишённость есть отсутствие того, рассмотрение чего — [дело] этой [науки], и [та же наука рассматривает] и отсутствие того. Сказав же в общем, что отрицание и лишённость подлежат рассмотрению одной науки, и по причинам,

которые он изложил, он прилагает это рассуждение к единому или ко многому, о чём ему и предстоит говорить. Ибо в обоих случаях, говорит он, тому, кто рассматривает единое, тому же принадлежит рассматривать и многое, — либо если кто-то говорит, что многое противоположно единому, обозначаемое через «не-единое», либо если [понимать его] как лишённость. Ибо и в «не-едином» содержится единое, что и есть отрицание, а в лишённости содержится то, лишённостью чего она является.

Александр, Комментарий (продолжение)

ἐξῆς δὲ καὶ τὴν διαφορὰν σαφηνίζων ἀπλῶς, φησί, λέγομεν ὅτι οὐχ ὑπάρχει ἐκεῖνο, ἥτοι γινῶναι τί τούτων ἐκάτερον σημαίνει δεικνὺς ἐπιφέρει· "ἀπλῶς λέγουσα ὅτι οὐχ ὑπάρχει ἐκεῖνο ἀποφατική ἐστιν· ἡ γὰρ ἀπλῶς λέγουσα τὴν διαφορὰν τὴν προκειμένην, κατὰ γε τοῦτο, ἀπόφασις αὐτοῦ καὶ πάντων ἀπλῶς λεγομένη τε καὶ θεωρουμένη ἄνευ τοῦ ὧ πρόκειται, τουτέστιν ἄνευ τοῦ ἐνὸς τοῦ ἐν τῇ ἀποφάσει, ἣ δὴ ἐστὶ τὸ ἀποφατικόν· ὁμοίως καὶ τὸ οὐκ ἄνθρωπος χωρὶς τοῦ ἀνθρώπου, οὗ πρόκειται ἡ ἀπόφασις, κατὰ πάντων τῶν ἄλλων ἀληθεύει. βραχέως δὲ εἴρηται· διὸ καὶ ἀσαφῶς ἔχει. τὸ δὲ "ἐν τῷ ἐνὶ ἡ διαφορὰ ἀποφάσει τίθεται" καὶ ἐν τῇ ἀποφάσει, ἐπεὶ οὕτω καὶ ἐν τῇ ἀπλῶς ἀποφάσει ἀληθεύει κατὰ πάντων, πλην μόνον ἐκείνου οὗ ἡ διαφορὰ ἡ ἀποφατική ἐν τῇ ἀποφάσει κατὰ πάντων τῶν ἄλλων ἀληθεύεται· ἡ δὲ διαφορὰ ἐστὶ κατὰ πάντων αὐτὴν τῶν ἄλλων ἀληθεύεσθαι παρὰ ὃ οὐκ ἔστιν, ἥς προσήκει.

"ἀπουσία γὰρ ἢ στέρησις ἐκείνου οὗ ἐστὶν ἢ διαφορά." ἢ προστίθεται ἢ διαφορὰ προσκειμένη, παρ' ὃ καὶ ἐν τῇ ἀποφάσει, ἴσον τῷ ἅμα ἢ διαφορὰ, τουτέστιν ἢ ἀπόφασις, τῷ ἐνί, ὅπερ ἐστὶ τὸ ἀποφασκόμενον, προσκειμένη τὰ ἄλλα πάντα δηλοῖ. ὃ δὲ παρ' ὃ ἀποφασκόμενον εἶπεν, ἐπειδὴ διαφορὰν δηλοῖ τοῦ ἀποφασκομένου τοῦτο προσκείμενον τῷ ἀποφασκομένῳ. ἐπὶ δὲ τῆς στέρησεως οὐκέτι ἀπλῶς οὐδ' ἀποφατικῶς λεγομένης οὐχ οὕτως ἔχει, ὥς τὸ ἀναιρετικὸν καὶ στερητικὸν μόνον, οὗ πρόκειται κατὰ πάντων, ἀλλ' ὑποκείμενόν τι γένος ἐστὶ καθ' οὗ ἀληθεύεται· τοῦτο δὲ ἐστὶ τὸ δεκτικὸν τοῦ ἀποφασκομένου τε καὶ ἀναιρουμένου. ἢ γὰρ στέρησις οὐχ ἀπλῶς ἀπουσία τινός ἐστὶν, ὥς ἢ ἀπόφασις, ἀλλ' ἀπουσία τοῦ πεφυκότος ὑπάρχειν ὅτε πέφυκε.

Далее, разъясняя и различие, он говорит: «просто» мы говорим, что-то не существует, — [и], показывая, что означает каждое из них, присовокупляет: «[Речь], просто говорящая, что то не существует, есть отрицательная. Ибо [речь], просто говорящая о предлежащем различии, поскольку она такова, есть отрицание его и всего [остального], сказываемая и рассматриваемая без того, к чему она присоединяется, то есть без единого, [содержащегося] в отрицании, поскольку именно оно и есть отрицательное. Так же и «не-человек» без человека, к которому присоединено отрицание, истинно обо всех остальных». Сказано кратко; поэтому и неясно. А [выражение] «в едином различие полагается через отрицание» — и в отрицании, поскольку так и в простом отрицании оно

истинно обо всём, кроме только того, чьё различие, [будучи] отрицательным, в отрицании истинно обо всех остальных. Различие же состоит в том, что оно истинно обо всех других, кроме того, чьим [различием] оно является и кому оно подбодает. «Ибо лишённость есть отсутствие того, чьё [это] различие». К чему присоединяется различие, [будучи] присоединённым, — это в отрицании равнозначно тому, что различие, то есть отрицание, присоединённое к единому, которое и есть отрицаемое, обозначает всё остальное. А «кроме того, чьё отрицание» он сказал потому, что это обозначает различие отрицаемого, будучи присоединённым к отрицаемому. В случае же лишённости, которая уже не сказывается просто и отрицательно, дело обстоит не так, [как если бы она была] только отрицающим и лишаящим [того], к чему она присоединена, [сказываясь] обо всём, но существует некоторый подлежащий род, о котором она истинна. А это есть то, что способно воспринимать отрицаемое и устранимое. Ибо лишённость не есть просто отсутствие чего-то, как отрицание, но отсутствие того, чему по природе свойственно присутствовать, тогда, когда [ему] по природе [надлежит присутствовать].

Александр, Комментарий (продолжение)

δείξας δὲ τίνι ἀπόφασις καὶ στέρησις διαφέρει, ἐπ'ἀνείσιν ἐπὶ τοῦτο οὗ χάριν πάντων τούτων ἐμνημόνευσε, καὶ φησι "τῷ δ' ἐν καὶ πλήθος ἀντίκειται, ὥστε καὶ τὰ ἀντικείμενα τοῖς εἰρημένοις," ὧν ἑκάτερον ὑπὸ τὸ ἐν ἦν. οὗσι δὲ ταῦτα

τό τε ἕτερον καὶ τὸ ἀνόμοιον καὶ τὸ ἄνισον, δηλονότι καὶ τὰ ἄλλα τὰ ἀντικείμενα πάντα τοῖς ὑπὸ τὸ ἓν τεταγμένοις, περὶ ὧν προεῖρηται, τοῦ αὐτοῦ γνώσκειν ἐστίν, οὐ μόνον ἐκεῖνα, ἃ ἦν τὸ ταῦτόν καὶ ὅμοιον καὶ ἴσον, ταῦτα γὰρ ἦν ὑπὸ τὸ ἓν. ἃ δ' ἐξῆς εἴρηται "ὅσα ἄλλα· λέγεται ἢ κατὰ ταῦτα ἢ κατὰ τὸ πλῆθος τε καὶ τὸ ἓν, τῆς εἰρημένης γνωρίζεσθαι ἐπιστήμης," τοιοῦτόν ἐστιν. καὶ ὅσα ἄλλα ἀντίκειται καὶ ὑποτέτακται καὶ ἀνάγεται ὑπὸ τὰ ταῦτόν δηλονότι καὶ τὸ ἀντικείμενον αὐτῷ θάτερον ὥς γενικώτερον ἀντικείμενον, ἢ ὑπὸ τὸ ἴσον τε καὶ ἄνισον ἢ ὑπὸ τὸ ὅμοιον τε καὶ ἀνόμοιον, ἢ ὑπὸ τὸ ἓν τε καὶ πλῆθος, ἃ ἐστὶ γενικώτατα, τοῦ φιλοσόφου γνωρίζειν. τοῦτο δὲ εἴρηται ὑπὲρ τοῦ δεῖξαι ὅτι περὶ πάντων τῶν ἀντικειμένων ὁ φιλόσοφος διαλαμβάνει, οὐ περὶ ἐνίων. ἐπεὶ γὰρ ἔνια τῶν ἀντικειμένων αὐτόθεν ἀνάγειν καὶ ὑπάγειν τῷ τε ἐνὶ καὶ τῷ πλήθει οὐχ οἷόν τε, τῷ μέντοι ταῦτῳ καὶ ἑτέρῳ ἢ τῷ ὁμοίῳ καὶ ἀνομοίῳ ἢ τῷ ἴσῳ καὶ ἀνίσῳ ὑπάγεται, διὰ τοῦτο εἶπε "καὶ ὅσα ἄλλα λέγεται ἢ κατὰ ταῦτα ἢ κατὰ τὸ πλῆθος τε καὶ τὸ ἓν." λευκὸν γὰρ καὶ μέλαν καὶ γλυκὺ καὶ πικρὸν ὑπὸ μὲν τὸ ἓν καὶ τὸ πλῆθος πῶς ἂν αὐτόθεν ὑπάγοιτο; ὑπὸ μέντοι ταῦτόν καὶ θάτερον ὑπαχθήσεται· τὰ μὲν γὰρ συγκριτικὰ αὐτῶν, ἃ ἐστὶ τό τε λευκὸν καὶ τὸ γλυκὺ, ὑπὸ τὸ ταῦτόν, τὰ δὲ ἀντικείμενα τούτοις ὄντα διακριτικὰ τῆς θατέρου φύσεως. δείκνυσι δὲ ὅτι τὸ ταῦτόν τε καὶ θάτερον πάλιν ὑπὸ τὸ ἓν τε καὶ τὰ πολλά, ὥστε κἀκεῖνα διὰ τῆς ἐπὶ ταῦτόν τε καὶ θάτερον ἀναγωγῆς ἀνάγεται ὑπὸ τὸ ἓν τε καὶ τὰ πολλά.

Показав, чем различаются отрицание и лишённость, он возвращается к тому, ради чего он упомянул всё это, и говорит: «Единому же и множеству противоположно [то], так что и противоположное сказанному», — из которых каждое было под единым. Это суть иное, неподобное и неравное. Отсюда ясно, что и все другие противоположности тому, что подчинено единому, о чём уже было сказано, принадлежат познанию того же [мудреца], — не только те, которые были тождественным, подобным и равным (ибо они были под единым). А то, что сказано далее: «И сколько другого сказывается либо по отношению к этим [вещам], либо по отношению к множеству и единому, — [всё это] познаётся указанной наукой», — означает следующее. И всё другое, что противоположно и подчинено, и сводится либо под тождественное и противоположное ему иное как под более общую противоположность, либо под равное и неравное, либо под подобное и неподобное, либо под единое и множество, которые суть наиболее общие [противоположности], — [всё это] принадлежит познанию философа. Это сказано для того, чтобы показать, что философ разграничивает все противоположности, а не некоторые. Ибо поскольку некоторые противоположности невозможно непосредственно сводить и подводить под единое и множество, однако они подводятся под тождественное и иное, или под подобное и неподобное, или под равное и неравное, — поэтому он и сказал: «И сколько другого сказывается либо по отношению к этим [вещам], либо по отно-

шению к множеству и единому». В самом деле, белое и чёрное, сладкое и горькое — как можно было бы непосредственно подвести их под единое и множество? Однако они будут подведены под тождественное и иное: соединительные [качества] их, каковы белое и сладкое, — под тождественное, а противоположные им, [будучи] разделительными, — под природу иного. Он показывает, что тождественное и иное, в свою очередь, подводятся под единое и многое, так что и те [вещи] посредством сведения к тождественному и иному сводятся под единое и многое.

Александр, Комментарий (продолжение)

"ὧν ἐστὶ καὶ ἡ ἐναντιότης." τῶν ἀναγομένων ὑπὸ τὴν ἑτερότητα καὶ τὸ πλῆθος καὶ τὴν ἐναντιότητά φησιν εἶναι, καὶ πῶς, ἔδειξεν εἰπὼν "διαφορὰ γάρ τις ἡ ἐναντιότης, ἡ δὲ διαφορὰ ἑτερότης." ἑτερότης δὲ δσα τῷ πλήθει ἂν ὑπάγοιτο, ὥστε καὶ ἡ ἐναντιότης κατὰ τὴν ἐπὶ τὴν ἑτερότητα ἀναφορὰν ὑπάγοιτο ἂν τῷ πλήθει, ἀλλ' οὐκ αὐτόθεν· ὥστε καθ' ὅσον περὶ ταῦτοῦ θεωροῦμεν, τούτου καὶ περὶ τῶν ἐναντίων, εἶγε τὰ ἐναντία ὑπὸ τὴν ἑτερότητα· καὶ περὶ τῆς ἐναντιώσεως, τούτου καὶ περὶ τῶν ἐναντίων. προσέθηκε δὲ τὴν ἐναντιώτητα βουλόμενος προηγουμένως δεῖξαι ὅτι καὶ περὶ ἐναντιότητος ἡ ἐναντίων ἐστὶ τοῦ σοφοῦ· ἦν γὰρ δεδειγμένον ὅτι καὶ περὶ στερήσεως καὶ ἀποφάσεως τοῦ αὐτοῦ, ἐπεὶ οὕτως ἐδόκει τὰ πολλὰ τῷ ἐνὶ ἀντικεῖσθαι. τὴν δὲ ἐναντιώτητα εἶναι ὑπὸ τὴν ἑτερότητα τετάχθαι, οὐ τὰ ἐναντία, ἐπεὶ οὕτως ἂν ἦν καὶ τὸ ταῦτόν ὑπὸ

τὴν ἑτερότητα τασσόμενον, εἶγε τὰ μὲν ἐναντία ὑπὸ τὴν ἑτερότητα, ἐναντίον δὲ τὸ ταῦτὸν τῷ ἑτέρῳ. ὁμοίως δὲ τὸ ἄνισον τῷ ἴσῳ ἐναντίον· ὥστε καὶ οὕτως ἦν ἡ ἑτερότης. ἀλλ' οὐ τὰ ἐναντία τῇ ἑτερότητι ὑπάγεται. εἰ δὲ μὴ ταῦτα ἐναντία, ἀλλ' ἐπὶ τῶν ὁμολογουμένως ἐναντίων ἦν ἂν ἀμφοτέρα, οὐχ ὥς μᾶλλον ἰδίᾳ λαμβανόμενον, ὑπὸ τὴν ἑτερότητα, οὗ δὴ τὰ ἐναντία ἀλλ' ἡ ἐναντιότης. ἡ δὲ ἐναντιότης ἐν ἀμφοτέροις ἅμα λαμβανομένοις τοῖς ἐναντίοις ἐστίν, ἀλλ' οὐχ ἑκατέρῳ αὐτῶν· ὥστε τὸ ταῦτὸν καὶ θάτερον ἢ τὸ λευκὸν καὶ τὸ μέλαν ὑπὸ τὴν ἑτερότητα ἅμφω λαμβανόμενα ὥς ἐναντία, οὐκέτι μέντοι καθ' αὐτὸ ἢ καθὸ λευκόν.

«Из них и противоположность». О том, что сводится под инаковость и множество, он говорит, что [туда относится] и противоположность, и как [это происходит], он показал, сказав: «Ибо противоположность есть некоторое различие, а различие есть инаковость». Инаковость же есть то, что подводилось бы под множество, так что и противоположность посредством отнесения к инаковости подводилась бы под множество, но не непосредственно. Так что насколько мы рассматриваем тождественное, настолько же [рассматриваем] и противоположности, поскольку противоположности [подводятся] под инаковость; и [насколько рассматриваем] противоположность, настолько же и противоположности. Он присовокупил противоположность, желая прежде всего показать, что и о противоположности, или о противоположностях, [надлежит рассуждать] мудрецу. Ибо было показа-

но, что и о лишённости, и об отрицании [рассуждает] тот же [мудрец], поскольку так казалось, что многое противоположно единому. А что противоположность, а не противоположности, подчинена инаковости, — [это потому, что] иначе и тождественное было бы подчинено инаковости, поскольку противоположности [подводятся] под инаковость, а тождественное противоположно иному. Так же и неравное противоположно равному. Так что и таким образом [получилась бы] инаковость. Но противоположности не подводятся под инаковость. Если же это не противоположности, то в случае общепризнанных противоположностей оба [члена] — не как взятые в отдельности — [подводились бы] под инаковость, где [находятся] не противоположности, но противоположность. Противоположность же [находится] в обоих [членах], взятых вместе как противоположности, но не в каждом из них в отдельности. Так что тождественное и иное, или белое и чёрное, [будучи] взяты вместе как противоположности, [подводятся] под инаковость, — но уже не сами по себе или поскольку [нечто] белое.

Александр, Комментарий (продолжение)

"περὶ --- λεχθήσεται." τὰ εἶδη, φησί, τοῦ ἐνός, τούτέστι τὰ ὑπὸ τὸ ἐν (ταῦτα δὲ τὸ ταῦτόν, τὸ ὅμοιον, τὸ ἴσον, καὶ ὅσα τοιαῦτα), πολλαχῶς λέγεται, ὥσπερ καὶ τὸ ἐν ᾧ ὑποτέτακται. ἐν γὰρ τούτων ἕκαστον· ὁ γὰρ ἐν τι λέγων λέγει, καὶ ταῦτα δὲ ἐν τοσαυταχῶς ὁσαυχῶς καὶ τὸ ὄν· ἢ τούτων δὴ ἕκαστόν φησι πολλαχῶς λέγεσθαι, ὥς καὶ τὸ ἐν.

οὐ μὴν ἐπεὶ πολλαχῶς λέγεται, τὸ μὲν κυρίως ἐν οὐσίᾳ καὶ τὸ κυρίως ὁμοιον ἢ τὸ κυρίως ἴσον, ἐστὶ δὲ ἕκαστον καὶ ἐν ταῖς ἄλλαις κατηγορίαις, ἥδη καὶ ἑτέρας ἴσται ἐπιστήμης τὸ καθ' αὐτὸ τῶν λεγομένων γένος τοῦ ὄντος θεωρεῖν, ἀλλὰ μιᾶς· πάντα γὰρ τὰ πολλαχῶς λεγόμενα ὑφ' ἑτέρας καὶ διαφόρους ἐπιστήμας τέτακται, ἀλλὰ ταῦτα τῶν πολλαχῶς λεγομένων, ὅσων μήτε ἀφ' ἐνός τινος ἡρητημένα εἰσὶν μήτε ἐπὶ τι ἐν ἀναφέρεται), ἀφ' ἐνὸς μὲν, ὥς ἐπὶ τῶν ἱατρικῶν ἐδείκνυτο διὰ τῆς τοῦ ἱατρικοῦ χρήσεως τὰ ἱατρικά), πρὸς ἕν δὲ τὰ ὑγιεινά· πρὸς γὰρ τὴν ὑγιείας λόγον πάντων τῶν ὑγιεινῶν ἢ ἀναφορά, διὸ καὶ μιᾶς ἐπιστήμης ἢ γνῶσις αὐτῶν. δύναται τις ἀκούειν τοῦ "ἀλλ' εἰ μήτοι καθ' εἰρημένων, ἀλλ' εἰ μήτε ὑφ' ἕν γένος καὶ μίαν φύσιν μήτε πρὸς ἕν, ἀλλ' ὁμώνυμα, καὶ τὰ γένη κοινότερον λέγων πολλαχῶς λέγεται, ὥς γὰρ ἐν ταῖς Κατηγορίαις περὶ ποιότητος λέγων εἶπεν "ἔστι δὲ ἡ ποιότης τῶν πλεοναχῶς λεγομένων." ὥς δὴ ἐπὶ τούτων μιᾶς ἐπιστήμης, οὕτω ἐπὶ τῶν προκειμένων, περὶ ὧν ὁ λόγος, ταῦτο ὁμοίου ἴσου, μιᾶς ἐπιστήμης θεωρεῖν· πάντα γὰρ ὥς ἕν τι τὴν ἀναφορὰν ἔχει, ἐν πρῶτον καὶ κυρίως τοιοῦτον τῶν κατηγορουμένων, οἷον πάντα καθ' ὧν τὸ ὄν πρὸς ὃ πρῶτον τῶν ὄντων, αὕτη δ' ἐστὶν ἡ οὐσία· καὶ πάντα καθ' ὧν τὸ ἐν πρὸς ὃ πρῶτον ἐν καὶ κυρίως ἕν, ἡ οὐσία. ὁμοίως καὶ ἐπὶ ταῦτο καὶ ἑτέρου καὶ ὁμοίου· καὶ γὰρ καθ' ὧν ταῦτα, ἢ ἀναφορὰ ἐπὶ τὴν οὐσίαν· ἐν ἐκείνῃ γὰρ κυρίως τὸ ταῦτόν καὶ τὸ ἕτερον. περὶ δὲ ταῦτο καὶ ἑτέρου προσέθηκε τὸ "καὶ τῶν ἐναντίων," ἴσον λέγων καὶ τῶν ἄλλων ἐναντίων,

παραιτούμενος ἐξαρίθμησιν πάντων τῶν ποιῆσθαι τῶν ὑπὸ τὸ ἓν· ταῦτα δὲ ἦν ὅμοιον ἀνόμοιον, ἴσον ἄνισον, καὶ ὅσα ὑπὸ τὸ ἓν καὶ τὸ πλῆθος.

«О ... будет сказано». Виды единого, говорит он, то есть то, что [подводится] под единое (а это — тождественное, подобное, равное и всё тому подобное), сказываются многообразно, как и единое, которому они подчинены. Ибо каждое из них есть единое; ведь кто говорит о чём-то как о едином, [тот говорит] и [о них]. И эти [вещи] суть единое в стольких же значениях, в скольких [сказывается] и сущее. Поэтому он и говорит, что каждое из них сказывается многообразно, как и единое. Однако из того, что они сказываются многообразно — одно в собственном смысле в сущности, и собственно подобное, или собственно равное, и каждое из них [находится] и в других категориях, — ещё не следует, что рассмотрение рода сущего самого по себе принадлежит другой науке: [оно] принадлежит одной. Ибо не всё, что сказывается многообразно, подчинено разным и различным наукам, но [только] те из многообразно сказываемых [вещей], которые не зависят от чего-то одного и не относятся к чему-то одному. От одного — как в случае медицинского, как было показано на примере употребления слова «медицинское»; по отношению к одному — как здоровое. Ибо все здоровые [вещи] имеют отнесение к понятию здоровья, поэтому познание их принадлежит одной науке. Можно понимать [выражение] «но если не так, как сказано»: если [они] не подво-

дятся под один род и одну природу и не относятся к одному, но [суть] омонимы, — то и роды, [будучи] более общими, сказываются многообразно, как в «Категориях», говоря о качестве, он сказал: «Качество принадлежит к многообразно сказываемому». Как в случае этих [вещей] [рассмотрение] принадлежит одной науке, так и в отношении предложенных [вещей], о которых идёт речь — тождественного, подобного, равного, — рассмотрение их принадлежит одной науке. Ибо всё имеет отнесение как к чему-то одному — к первому и в собственном смысле таковому среди сказываемых [вещей]: например, всё, о чём сказывается сущее, относится к первому среди сущих, а это есть сущность. И всё, о чём сказывается единое, относится к первому и в собственном смысле единому — к сущности. Так же и в случае тождественного, иного и подобного: ибо и то, о чём они сказываются, имеет отнесение к сущности, ведь в ней в собственном смысле [находятся] тождественное и иное. О тождественном же и ином он присовокупил «и о противоположностях», говоря [это] в равной мере и о других противоположностях, отказываясь перечислять все [вещи], подводимые под единое. А это были: подобное — неподобное, равное — неравное, и всё, что [подводится] под единое и множество.

Александр, Комментарий (продолжение)

ὥστε ἐπεὶ καὶ ταῦτα τῷ ὄντι ὁμοίως τῶν πολλαχῶς λεγομένων, ὡς ἀφ' ἑνὸς καὶ πρὸς ἓν, χρὴ διαιρουμένους ἢ λαμβάνοντας καθ' ἕκαστον αὐτῶν τὸ κυρίως τοιοῦτον,

τὰ ἄλλα δεικνύναι καθ' ὅτι ἀπ' ἐκείνου καὶ ταῦτα οὕτω λέγεται, οἷον καθ' ὅσων τὸ ταῦτὸν κατηγορεῖται λαβόντας πρὸς ὃ κυρίως ταῦτόν, τουτέστι τὸ ἐν οὐσίᾳ, τὴν τῶν ἄλλων ἀναφορὰν ποιεῖσθαι, δηλοῦντας καθ' ὅτι ἐκείνου ὄντος τούτων κατὰ ταῦτόν λέγεται· πάλιν γὰρ εἰδότας περὶ ὁμοιον καὶ ἀνόμοιον καὶ τὰ ἄλλα ὅσα οὕτως ἀποδοτέον πρὸς τὸ πρῶτον ἐν ἐκάστη κατηγορίᾳ, πῶς πρὸς ἐκεῖνο λέγεται. εἶπεν ἀντὶ τοῦ πῶς καὶ τὰ καθ' ἐκάστην κατηγορίαν οὕτως λεγόμενα προσαγορεύεται πρὸς πρῶτον καὶ κυρίως τοιοῦτον λεγόμενον ἔχει, ὃ ἐστὶ τὸ ἐν τῇ οὐσίᾳ, πῶς ἀπ' ἐκείνου λέγεται, τὸ ἐν πρὸς ὃ πρῶτον καὶ κυρίως ἔν, καὶ πρὸς πρῶτον καὶ κυρίως ταῦτόν, ὁμοίως καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων, οἷον καθ' ὧν ἢ ταῦτοῦ κατηγορία ἢ καθ' ὧν ταῦτόν κατηγορεῖται, διελομένους καὶ λαβόντας τὰ ἐν ταῖς ἄλλαις κατηγορίαις, πῶς τὰ ἄλλα πρὸς τὸ πρῶτον τῶν ὑπὸ ταῦτόν, τουτέστι τὸ ἐν τῇ οὐσίᾳ, ἀναφέρεται, καὶ δι' ἐκεῖνο καὶ αὐτὰ τῆς αὐτῆς τυγχάνει κατηγορίας. ὁμοίως καὶ ἐπὶ ὁμοίου, ἴσου, καὶ τῶν ἄλλων. ὥς περὶ τοῦ ὄντος λέγοντες, λαβόντες τὸ κυρίως εἶναι τὴν οὐσίαν, ἐν ἕκαστον τῶν ἄλλων ὧν τὸ ὄν κατηγορεῖται δεικνύμεν ὄν ἢ τῷ πάθος εἶναι τῆς οὐσίας ἢ τῷ γένεσιν ἢ τῷ ἐνέργειαν ἢ τῷ ἄλλο τι, οὕτω φησὶ δεῖν καὶ ἐπὶ τούτων ποιεῖν.

Так что поскольку и эти [вещи] подобно сущему принадлежат к многообразно сказываемым — как «от одного» и «по отношению к одному», — следует, разделяя или принимая в каждом из них собственно таковое, показывать, поче-

му и остальные так сказываются от него. Например, для того, о чём сказывается тождественное, приняв то, к чему в собственном смысле [применимо] тождественное, то есть [то, что] в сущности, следует производить отнесение остальных, показывая, почему, когда существует то, эти [вещи] сказываются как тождественное. Ибо снова, зная о подобном и неподобном и о других [вещах], которые так [следует] относить к первому в каждой категории, [следует знать], как они сказываются по отношению к тому. Он сказал [это] вместо того, чтобы [сказать]: как и [то], что в каждой категории так сказывается, обозначается по отношению к первому и в собственном смысле таковому, что находится в сущности, и как оно сказывается от того, — [так] единое [относится] к первому и в собственном смысле единому, и к первому и в собственном смысле тождественному, и так же в отношении других [вещей]. Например, для того, о чём [сказывается] категория тождественного, или о чём сказывается тождественное, [следует], разделив и приняв [то], что [находится] в других категориях, [показывать], как остальное относится к первому из [подводимых] под тождественное, то есть к [тому, что] в сущности, и через него и само [оно] получает ту же категорию. Так же и в отношении подобного, равного и других [вещей]. Как мы, говоря о сущем, приняв, что в собственном смысле сущее есть сущность, показываем, что каждое из остальных, о чём сказывается сущее, есть сущее либо как состояние сущности, либо как возникновение, либо как де-

ательность, либо как нечто иное, — так, говорит он, следует поступать и в отношении этих [вещей].

Александр, Комментарий (продолжение)

"τὰ γὰρ --- τρόπους." εὐρόντας φησὶ τὸ κυρίως καθ' ἕκαστον τούτων λεγόμενον μεταλαβεῖν ἐν πόσοις ἐστὶ καὶ ἄλλοις τοῦτο πρὸς ὃ κυρίως λεγόμενον, οὕτως φησὶ χρῆναι δεῖν τὴν τῶν ἄλλων ἀναφορὰν ποιεῖσθαι τῶν καθ' ὧν αὐτῶν λέγεσθαι. καὶ προσυπογράφει γε ἡμῖν καὶ ἓνα τρόπον τῆς εὐρέσεως τῆς κατὰ διαίρεσιν αὐτῶν· τῶν γὰρ ἄλλων ἕκαστον ἢ τῷ ἔχειν τὸ κυρίως λεγόμενον ἢ ὄν ἢ ἐν ἢ ταὐτὸν ἢ τῶν ἄλλων τι ἢ αὐτὸ οὕτως λέγεσθαι. τὸ γὰρ ἔχειν ἀντὶ τοῦ ἔχεσθαι εἴρηται· τῷ γὰρ ἔχεσθαι ὑπὸ τοῦ κυρίως ὄντος τε καὶ ἐνός, τουτέστι τῆς οὐσίας, καὶ εἶναι ἐν οἷς λέγεται ὄντα τε καὶ ἐν, ἕκαστον τῶν συμβεβηκότων αὐτῇ, ὡς τὸ ποσόν τε καὶ ποιὸν καὶ ὅσα ὁμοίως τούτοις ἐν τῇ οὐσίᾳ ἐστίν. οὕτω δὲ καὶ τὸ ταὐτὸν καὶ τὸ ἐν ὁμοίως, καθ' ὅσον πᾶν πάντων αὐτῶν κατηγορεῖται τό τε ἴσον καὶ τὸ ἄνισον καὶ τὰ ἄλλα· ταὐτὸν κυρίως ἐπὶ τῶν οὐσιῶν, ὡσαύτως δὲ καὶ ὁμοιον τὸ κατ' εἶδος ἐν οὐσίᾳ, ῥηθήσεται δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων τῶν ὅσα ἔχει τὴν πρὸς ἐκεῖνο ὁμοιότητα. τὰ μὲν γὰρ τῷ ἔχεσθαι ὑπ' ἐκείνου οὕτως ῥηθήσεται, τὰ δὲ τῷ ἐνέργειαι τινες εἶναι αὐτοῦ· τῶν γὰρ τῆς οὐσίας ἐνεργειῶν ἐκάστη ὄν τε καὶ ἐν, ὅτι ἔστιν αὐτὰς ἡ οὐσία ποιοῦσα. ὁμοίως πάλιν ἄλλα ὄντα λέγεται τῷ πάθῃ τῆς οὐσίας εἶναι, καὶ ἄλλα τῷ σχέσεις. ὡς δὲ τὸ ὄν ἀναδέχεται ἕκαστον αὐτῶν, οὕτως καὶ τὸ ἐν καὶ τῶν ὑπὸ τὸ ἄν ἕκαστον. δείξας δὲ πῶς

ἀφ' ἐνός ἐστι καὶ πρὸς ἓν ταῦτα λεγόμενα, ἐπιφέρει ὅτι τῆς αὐτῆς εἶναι περὶ τε τούτων τῶν ὑπὸ τῆς οὐσίας τὸ εἶναι ἐχόντων καὶ περὶ τῆς οὐσίας ἔχειν ἐπιστήμην. ἦν δὲ περὶ τῆς οὐσίας ἡ πραγματεία τῷ φιλοσόφῳ, καὶ περὶ τούτων ἄρα τοῦ φιλοσόφου διαλαμβάνειν. εἰπὼν δὲ ταῦτα καὶ δείξας ὅτι τοῦ φιλοσόφου τὸ περὶ πάντων τῶν ὄντων γνῶσιν ἔχειν, ἐπισημαίνεται ὅτι διὰ τῶν δεδειγμένων λύει τῶν ἀποριῶν μία τῶν ἀπορηθεισῶν ἐν τῷ δευτέρῳ, περὶ ἧς ἡπόρει, πότερον μιᾶς ἢ πλειόνων ἐστὶν ἐπιστημῶν τὸ θεωρῆσαι περὶ τε τῆς οὐσίας καὶ τῶν τῇ οὐσίᾳ συμβεβηκότων, καὶ τῶν οἷς εἶπε χρῆσθαι τὸν διαλεκτικὸν καὶ τὸν σοφιστήν, ἃ ἦν ἐναντία ταῦτὸν ἕτερον καὶ τὰ ἄλλα ἃ ἔφθη εἰπὼν περὶ ἐτερότητος.

«Ибо ... способами». Найдя, говорит он, [то], что в собственном смысле сказывается в каждом из этих [случаев], и [поняв], в скольких других [случаях] это [применимо] по отношению к тому, что сказывается в собственном смысле, — так, говорит он, следует производить отнесение остальных [вещей], о которых они [сами] сказываются. И он предписывает нам также один способ нахождения через их разделение. Ибо каждое из остальных [сказывается] либо потому, что имеет собственно сказываемое — или сущее, или единое, или тождественное, или что-то другое, — либо само так сказывается. «Иметь» сказано вместо «быть подчинённым»: ибо через подчинённость собственно сущему и единому, то есть сущности, и через нахождение в том, о чём

сказываются сущее и единое, [сказывается] каждое из приходящих ей [свойств], как количество, качество и всё, что подобным образом [находится] в сущности. Так же и тождественное, и единое подобным образом, поскольку всё сказывается обо всех них — и равное, и неравное, и другие [вещи]. Тождественное в собственном смысле — [относится] к сущностям; так же и подобное по виду в сущности будет сказываться и о других [вещах], которые имеют сходство с тем. Ибо одно будет так сказываться через подчинённость тому, другое — [через то, что] есть некоторые деятельности его; ведь каждая из деятельностей сущности есть и сущее, и единое, поскольку сущность производит их. Подобным же образом другое называется сущим через то, что оно есть состояния сущности, а другое — через отношения. И как сущее принимает каждое из них, так и единое, и каждое из [подводимых] под сущее. Показав же, что эти [вещи] сказываются «от одного» и «по отношению к одному», он присовокупляет, что рассмотрение как этих [вещей], имеющих бытие от сущности, так и самой сущности принадлежит одной науке. А предметом философа была сущность; значит, философу следует разграничивать и эти [вещи]. Сказав это и показав, что философу [принадлежит] иметь знание обо всех сущих, он отмечает, что посредством доказанного он разрешает одно из затруднений, [поставленных] во второй [книге], — а именно то, о чём он затруднялся: одной ли или многим наукам принадлежит рассмотрение и сущности, и того, что

присуще сущности, — и того, чем, как он сказал, пользуются диалектик и софист, то есть противоположностей, тождественного, иного и других [вещей], о которых он уже говорил в связи с инаковостью.

Александр, Комментарий (продолжение)

"εἰ --- καθήμενος." ὅτι τοῦ φιλοσόφου ἢ τε περὶ τῆς οὐσίας θεωρία καὶ τῶν τῇ οὐσία συμβεβηκότων, ὁμοίως δὲ καὶ περὶ ταύτοῦ καὶ ἑτέρου καὶ ὅσα καθόλου περὶ ἐναντίων ζητεῖται, δείκνυσι καὶ ἐκ τοῦ μηδεμιᾶς ἄλλης ἐπιστήμης οἰκεῖον εἶναι ἂν περὶ τούτων λόγον· οὐδὲ γὰρ γεωμέτρου οὔτε μουσικοῦ οὔτ' ἄλλου τι ἐπιστήμην ἔχοντός τινα ἄλλην παρὰ τὴν τοῦ ὄντος ἢ ὄν, τὸ διαλαβεῖν πῶς δεῖ, πότερον ταυτόν ἐστιν ἢ οὐσία ἀπλῶς λαμβανομένη ἢ μετὰ τινος συμβεβηκότος ἢ ἕτερον, οἷον ὁ Σωκράτης αὐτός τε καθ' αὐτὸν ληφθεὶς καὶ μετὰ τοῦ συμβεβηκότος, οἷον τοῦ καθήκειν· οὐ γὰρ ἀπλῶς ταυτόν, ἀλλὰ ζητεῖται τὸ ὑποκείμενον, καθ' ὃν δὲ λόγον οὐ ταυτόν. ἀλλ' οὐδὲ τὸ εἰδέναι ὅτι ἐν ἐνί ἐστιν τῶν κατηγοριῶν ἄλλης ἐπιστήμης ἐστὶν ἴδιον. ἀλλ' οὐδὲ τί ποτέ ἐστι τὸ ἐναντίον, καὶ πότερον ἐν ποιότητι μόνῃ ἢ καὶ ἐν οὐσία ἐστὶν ἢ ἐναντιότης ἢ ἐν ἐκάστω τῶν ἄλλων γενῶν· ἀλλ' οὐδὲ τίνες τοῦ ἐναντίου διαφοραί, ὅτι φέρε εἰπεῖν τὰ μὲν ἄμεσα τὰ δὲ ἔμμεσα, καὶ ὅτι τὸ μεταξὺ μίξει τῶν ἄκρων, καὶ ὅτι τῶν μεταξὺ τὰ μὲν ἔμμεσα τὰ δὲ τῇ τῶν ἄκρων ἀποφάσει δηλοῦται, καὶ τίνι διαφέρει τῶν ἄλλων ἀντικειμένων τὰ ἐναντία. ὁμοίως δὲ οὐδὲ τὰ ἀντικείμενα ποσαχῶς λέγεται οὐδὲ δειλιξίς ἄλλου τινός ἐστι παρὰ τὸν

φιλόσοφον. δείξας δὲ ὅτι τῷ φιλοσόφῳ ἐστὶ τὸ περὶ τούτων
τε καὶ τῶν τοιούτων θεωρεῖν, ἐξῆς ἐπήνεγκε λέγων "ἐπεὶ
οὖν τοῦ ἐνὸς ἢ ἐν καὶ τοῦ ὄντος ἢ ὄν ταῦτα καθ' αὐτά
ἐστι πάθη, ἀλλ' οὐχ ἢ ἀριθμὸς ἢ γραμμαὶ ἢ πῦρ, δῆλον
ὡς ἐκείνης τῆς ἐπιστήμης καὶ τί ἐστι γνωρίσαι καὶ τὰ
συμβεβηκότα αὐτοῖς," δεικνὺς διὰ τούτων ὅτι οὐκ ἄλλης
μὲν ἢ περὶ τοῦ ἐνός τε καὶ ὄντος ἢ ὄν θεωρία, τί ποτέ
ἐστιν αὐτῶν ἕκαστον, ἄλλης δὲ περὶ τῶν τούτοις καθ' αὐτὰ
ὑπαρχόντων ἀποδεικνύναι περὶ ὧν προειρήκαμεν· τῆς γὰρ
αὐτῆς ὥσπερ ἐπὶ τῶν ἄλλων ἐπιστημῶν τό τε ὑποκείμενον
γνωρίζειν καὶ τίνα ἐστὶν αὐτῷ τὰ καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα
ἀποδεικνύναι, οὕτω καὶ ἐπὶ τῆς τοῦ ὄντος. καὶ ὅτι τοῦ
φιλοσόφου ἐστὶν ἡ περὶ τοῦ ὄντος ἢ ὄν γνώσις καὶ τῶν τούτῳ
ὑπαρχόντων καθ' αὐτό, ἐδείχθη δὲ καὶ τὸ ἐν ταῦτόν ὄν τῷ
ὄντι· καὶ ἡ περὶ τοῦ ἐνός ὄν θεωρία καὶ τῶν τούτῳ καθ'
αὐτὰ ὑπαρχόντων ὁμοίως τοῦ φιλοσόφου ὡς καὶ ἡ περὶ τοῦ
ὄντος. τὰ δὲ προειρημένα ὅτι καθ' αὐτὰ τοῦ ὄντος ἢ ὄν ἐστι
πάθη, ἔδειξε διὰ τοῦ εἰπεῖν "ἀλλ' οὐχ ἢ ἀριθμὸς ἢ γραμμαὶ
ἢ πῦρ·" εἰ γὰρ τινι τούτων καθ' αὐτό ὑπῆρχέ τι τούτων,
κατὰ συμβεβηκός τε ἂν ἦν τῷ ὄντι ὑπάρχον, καὶ οὐκ ἂν
ἄλλῳ τινὶ ὑπῆρχεν οὐδὲ κοινῶς· διὸ οὐκέτ' ἂν τοῦ φιλοσόφου
οἰκεία ἡ περὶ αὐτῶν θεωρία, ἀλλ' εἰ μὲν τοῖς ἀριθμοῖς
ὑπῆρχε, τῆς ἀριθμητικῆς, εἰ δὲ γραμμαῖς, γεωμετρίας, εἰ
δὲ πυρί, τῆς φυσικῆς. ἐπεὶ δὲ μηδενὶ ἀφωρισμένως τῶν
ὄντων, τῷ ὄντι ἂν ἢ ὄν ὑπάρχῃ καθ' αὐτό, ὥστε τῆς περὶ
τὸ ὄν πραγματευομένης ἐπιστήμης καὶ ἡ τούτων γνώσις

οἰκεία καὶ τῶν τοιούτοις συμβεβηκότων, ὥς τοῖς ἐναντίοις τὸ ἔμμεσον καὶ τὸ ἄμεσον. ἔστι δὲ αὕτη ἡ καθόλου τε καὶ κοινὴ φιλοσοφία.

«Если ... сидящий». Что философу принадлежит как рассмотрение сущности, так и рассмотрение того, что присуще сущности, а равно и рассмотрение тождественного и иного, и всего, что в общем исследуется относительно противоположностей, — это он показывает и из того, что ни для какой другой науки не было бы свойственно рассуждение об этом. Ибо ни геометру, ни музыканту, никому-либо другому, обладающему какой-либо иной наукой, кроме [науки] о сущем как сущем, не [принадлежит] разграничивать, как следует: тождественна ли сущность, взятая просто, или [взятая] с некоторым привходящим [свойством], или [она] иное, — как, например, Сократ, взятый сам по себе и вместе с привходящим, например, с тем, что он сидит. Ибо [это] не просто тождественно, но исследуется подлежащее, а по [определённому] понятию не тождественно. Но и знание того, что [нечто] находится в одной из категорий, не есть особенность другой науки. И [не принадлежит другой науке знание] того, что такое противоположность и находится ли противоположность только в качестве или также в сущности, или в каждой из других категорий. И [не принадлежит] — каковы различия противоположности, например, что одно непосредственно, другое опосредованно, и что среднее [получается] смешением крайних, и что из средних одно опосредованно, а дру-

гое обозначается через отрицание крайних, и чем отличаются противоположности от других противопоставлений. Так же и [не принадлежит другой науке знание] того, сколькими способами сказываются противопоставления, и [вообще] никакое другое [исследование], кроме [исследования] философа. Показав, что философу принадлежит рассмотрение как этих [вещей], так и подобных им, он затем присовокупил, говоря: «Поскольку же единому как единому и сущему как сущему эти [свойства] присущи сами по себе, но не поскольку [они] число, или линии, или огонь, — ясно, что [задача] той науки — познать и то, что они такое, и то, что им присуще». Показывая посредством этого, что не другой [науке принадлежит] рассмотрение единого и сущего как сущего — [знание] того, что такое каждое из них, — а другой — доказательство относительно того, что им самим по себе присуще, о чём мы уже сказали. Ибо, как и в других науках, [задача] одной и той же [науки] — знать подлежащее и доказывать, каковы его собственные свойства, — так и в случае сущего. И что философу принадлежит знание сущего как сущего и того, что ему присуще само по себе; а было показано, что и единое тождественно сущему. Поэтому и рассмотрение единого как сущего и того, что ему присуще само по себе, подобным же образом принадлежит философу, как и [рассмотрение] сущего. А что сказанное [выше] есть свойства сущего как сущего сами по себе, он показал, сказав: «Но не поскольку [они] число, или линии, или огонь». Ибо если бы нечто

из этого было присуще чему-то из этого само по себе, то оно было бы присуще существу по совпадению и не было бы присуще ничему другому и не [было бы] общим. Поэтому рассмотрение о них уже не было бы свойственно философу, но если бы [оно было присуще] числам — [оно принадлежало бы] арифметике, если линиям — геометрии, если огню — физике. А поскольку [оно] не присуще никакому отдельно-му из сущих, [оно] будет присуще существу как существу само по себе. Так что науке, занимающейся сущим, свойственно и знание этих [вещей], и [знание] того, что присуще таким [вещам], как, например, противоположностям — опосредованное и непосредственное. А это и есть всеобщая и общая философия.

Александр, Комментарий (продолжение)

"καὶ --- σκοπούμενου." λέγει δὲ περὶ τῶν σοφιστῶν, οἱ ὑποδύμενοι τὸ φιλοσόφου ὄνομα περὶ τῆς οὐσίας, περὶ ἧς οἰκειότατος καὶ προηγούμενος ὁ λόγος τῷ φιλοσόφῳ, οὐδένα ποιοῦνται λόγον, περὶ δὲ ἐναντίων καὶ ἀντικειμένων καὶ τῶν πλεοναχῶς λεγομένων καὶ τῶν συμβεβηκότων καὶ τῶν τοιούτων ἢ πᾶσα αὐτῶν πραγματεία, οἷς πρὸς τὰ σοφίσματα καὶ τοὺς ἀγῶνας χρῶνται παρακρούοντες τοὺς προσδιαλεγόμενους. αἰτιᾶται δὲ αὐτῶν οὐ τὸ περὶ τούτων λέγειν ὡς οὐδὲν φιλοσόφῳ οἰκεῖον (οἰκεῖος γὰρ καὶ ὁ περὶ τούτων λόγος τοῖς φιλοσόφοις, ὡς ὑποδείξομεν), ἀλλ' ὅτι περὶ μόνων τούτων καὶ προηγούμενως ὁ λόγος αὐτοῖς γίγνεται, περὶ δὲ τῆς οὐσίας, ἥτις ἐστὶ πρώτη, παρ' ἧς

καὶ κείνοις τὸ εἶναι καὶ δι' ἣν ὁ φιλόσοφος καὶ περὶ ἐκείνων λέγει τῷ ταύτης τι αὐτὰ εἶναι, οὐδένα λόγον ποιοῦνται οὐδὲ ἴσασι τι περὶ αὐτῆς. διὸ οὐδὲ φιλόσοφοι ἔτι, σοφισταὶ δέ· καὶ οὐδὲ οἷόν τε μηδὲν ἐπαίοντας περὶ τῆς οὐσίας περὶ τῶν τῇ οὐσίᾳ ὑπαρχόντων ἐπιστημονικῶς τε καὶ πρὸς ἀλήθειαν λέγειν· διὸ οὕτως λέγουσιν.

«И ... рассматривающего». Он говорит о софистах, которые, принимая на себя имя философа, о сущности, относительно которой философу наиболее свойственно и преимущественно [вести] речь, не ведут никакой речи, но о противоположностях, противопоставлениях, многообразно сказываемом, привходящих [свойствах] и подобном — вся их деятельность. Этим они пользуются для софизмов и споров, обманывая собеседников. Он порицает их не за то, что они говорят об этом, как будто это не свойственно философу (ибо и речь об этом свойственна философам, как мы покажем), но за то, что только об этом и преимущественно у них идёт речь, а о сущности, которая есть первая, от которой и для них [происходит] бытие и через которую философ говорит и о тех [вещах], поскольку они суть нечто от неё, — они не ведут никакой речи и ничего не знают о ней. Поэтому они уже не философы, но софисты. И невозможно, ничего не зная о сущности, говорить о том, что присуще сущности, научно и истинно. Поэтому они так и говорят.

Александр, Комментарий (продолжение)

"ἐπεὶ --- πάθη." ἔτι τοῦτο ἐπεξεργάζεται, δεικνὺς ὅτι

τῷ φιλοσόφῳ τὸ περὶ τῶν προειρημένων λέγειν οἰκεῖον· οἰκεῖα γὰρ πάθη καὶ καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα τῷ ὄντι ταῦτα ἢ ὄν, ἐκάστη δὲ ἐπιστήμη ἴδιον τὸ τὰ οἰκεῖα καὶ καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα τῷ ὑποκειμένῳ γένει, περὶ ὃ ἡ ἐπιστήμη, σκοπεῖν. οὕτως ἀριθμητικὸς τὰ ἴδια τῶν ἀριθμῶν πάθη καὶ οἰκεῖα αὐτῶν περὶ ἃ καταγίνεται θεωρεῖ· ταῦτα δὲ ἐστὶ τὸ περιττὸν καὶ ἄρτιον, συμμετρία ἢ ἐν ἀριθμοῖς καὶ ἰσότης, ὑπεροχὴ καὶ ἔλλειψις, ὧν τὰ μὲν καθ' αὐτὰ ὑπάρχει τοῖς ἀριθμοῖς, ὡς τὸ περιττὸν καὶ ἄρτιον, τὰ δὲ πρὸς ἀλλήλους, ὡς τὸ ἕτερον τούτων (διαφέρουσι γὰρ οἱ ἄρτιοι ἀριθμοὶ τῶν περιττῶν), ἔτι τὸ σύμμετρον καὶ τὸ ἴσον, ὑπεροχὴ τε καὶ ἔλλειψις. ὁμοίως δὲ γεωμετρίας τὸ τὰ ταῖς γραμμαῖς ὑπάρχοντα εἰδέναι καὶ τὰ τοῖς ἐπιπέδοις τε καὶ σχήμασιν· ἐστὶ γὰρ τινὰ καὶ τούτων οἰκεῖα, καὶ πάλιν ἄλλα τοῖς στερεοῖς, καὶ τούτων ἄλλα μὲν τοῖς ἀκινήτοις, περὶ ἃ ἡ στερεομετρία, ἄλλα δὲ τοῖς κινουμένοις, περὶ ἃ ἡ ἀστρολογικὴ καὶ ἡ φυσικὴ. ἄλλα τῶν κινουμένων ἄλλα μὲν τοῖς βάρους ἔχουσιν, ὡς γῆ ὕδατι, ἄλλα δὲ καὶ τοῖς βάρους οὐκ ἔχουσιν, ὥσπερ τοῖς κούφοις, πυρί τε καὶ ἀέρι, ἄλλα δὲ τῷ κυκλοφορικῷ τῷ πέμπτῳ σώματι, ὃ κινεῖται οὔτε δὲ βάρους οὔτε κουφότητα ἔχει. ὡς οὖν τούτων ἐκάστῳ ἐστὶ τινὰ οἰκεῖως ὑπάρχοντα, οὕτως ἐστὶ τινὰ οἰκεῖα καὶ τοῦ ὄντος ἢ ὄν, οὐκ ἀφωρισμένου τινὸς γένους τῶν ὑπὸ τὸ ὄν, ἀλλ' ἐν πᾶσιν ὠρισμένα ὄντα τοῖς οὔσι, περὶ ὧν ὁ θεωρητικὸς φιλόσοφος.

«Поскольку ... свойства». Он ещё раз подробно рассмат-

ривает это, показывая, что философу свойственно говорить о сказанном выше. Ибо эти [вещи] суть собственные свойства и [то], что присуще сущему как сущему само по себе. А каждой науке свойственно рассматривать собственные и присущие сами по себе подлежащему роду свойства, которым [эта наука] занимается. Так, арифметик рассматривает собственные свойства чисел и то, что им свойственно и чем он занимается. Это — нечётное и чётное, пропорциональность в числах и равенство, превосходство и недостаток; из них одни присущи числам сами по себе, как нечётное и чётное, другие — по отношению друг к другу, как различие между ними (ибо чётные числа отличаются от нечётных), и также соразмерное, и равное, превосходство и недостаток. Так же и геометрии [свойственно] знание того, что присуще линиям, и того, что [присуще] плоскостям и фигурам. Ибо есть нечто свойственное и им, и другое — телам; и из них одно [присуще] неподвижным [телам], чем занимается стереометрия, другое — движущимся, чем занимается астрономия и физика. Но из движущихся одно [присуще] имеющим вес, как земле и воде, другое — не имеющим веса, как лёгким [телам], огню и воздуху, другое — круговращающемуся пятому телу, которое движется, не имея ни тяжести, ни лёгкости. Итак, как каждому из них присуще нечто свойственное, так же есть нечто свойственное и сущему как сущему, — не как отдельному роду из [подводимых] под сущее, но как определённое во всех сущих. Об этом [и рассуждает] умо-

зрительный философ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.